

РЕНЕ ЭНН МИЛЛЕР

Никогда
не обманывай
виконта

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Рене Энн Миллер

Никогда не обманывай виконта

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Миллер Р.

Никогда не обманывай виконта / Р. Миллер — «Издательство АСТ», 2018 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-118410-0

Саймон Марлтон, виконт Адлер, не привык обнаруживать ночью прелестных незнакомок в мальчишеском одеянии, тайком пробравшихся в его дом, к тому же бросающихся ему на шею с поцелуями, а потом таинственно исчезающих. Еще сильнее его шокировал тот факт, что вместе с загадочной барышней пропал перстень, доставшийся ему от отца. Кто эта девушка? Как ее найти? Почему она украла этот перстень? Некоторые улики указывают на соседку Саймона, художницу Эмму Траффорд. Но как эта благоприличная и скромная молодая леди может оказаться той дерзкой очаровательной незнакомкой, всего лишь за мимолетное свидание вместе с драгоценностью похитившей его сердце?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-118410-0

© Миллер Р., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	42
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Рене Энн Миллер

Никогда не обманывай виконта

Renee Ann Miller
NEVER DECEIVE A VISCOUNT

© Renee Ann Miller, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Джону – за твою любовь и поддержку

Моей семье, всем близким и дальним, которые мне так дороги

Глава 1

Блумсбери, Лондон

Апрель 1877 года

Саймон Марлтон, виконт Адлер, вытянулся на кровати рядом со своей любовницей. Кокетливо улыбнувшись, Вивиан раскинула рыжие волосы по белой шелковой наволочке и выгнула спину, привлекая его внимание к своему телу, хорошо видимому сквозь тонкий пеньюар.

Предполагалось, что это движение возбудит его. Но ничего не произошло. Саймон знал, что последует дальше.

– Кого мы будем изображать сегодня? – спросила Вивиан, ведя пальчиком по его обнаженной груди до пояса штанов. – Ромео и Джульетту или Антония и Клеопатру? Можем побыть порочными и инсценировать «Вампира». Ты будешь кровожадным властелином, а я бедной молочницей, которую ты соблазнил в лесу.

Саймон стиснул зубы. Он от души сожалел о том, что взял в любовницы актрису, тем более временно оставшуюся без работы. Лучше бы выбрал танцовщицу, какую-нибудь гибкую женщину, не испытывающую необходимости режиссировать каждую их сексуальную встречу или придумывать сюжеты, которые заканчиваются смертью. И уж точно не ту, кто во время оргазма кричит: «Бис! Бис!»

Еще одна ночь с Вивиан, и он сыграет Кассия, бросившегося на меч.

– Когда у вас начинаются репетиции новой пьесы в театре «Лицеум»?

Она накрутила на пальчик свой локон и надула губки.

– Сэр Генри хочет ставить «Гамлета». В нем мало достойных женских ролей, хотя из меня получилась бы замечательная Офелия. – Она села и драматически раскинула руки. – О, что за гордый ум сражен...

– Когда начнут? – спросил Саймон.

– Только через несколько месяцев. Я от скуки сойду с ума.

Она театрально прижала ладонь тыльной стороной ко лбу и опустила на подушки.

«Боже милостивый, несколько месяцев!»

Саймон с трудом подавил стон.

Вивиан приподнялась на локте и взяла с прикроватного столика бокал с кларетом.

– Адлер, почему бы тебе не пригласить нескольких гостей в твой загородный дом? Мы бы могли поставить небольшой спектакль.

Уж лучше наестся помоев для свиней. До чего глупо было думать, что общество актрисы поможет развеять хандру, терзавшую его в последнее время! Может быть, небольшая разлука с Вивиан представит ее в более выгодном свете?

– Как насчет отдыха в Париже? – спросил он.

Она села так резко, что расплескала вино. Красные капли заблестели на девственно-белом покрывале. Она потерла их краем своего прозрачного одеяния, втерев красное вино в покрывало.

– Какая прелесть! Когда мы поплывем?

«Мы? Боже праведный, нет!»

Он спрыгнет с корабля раньше, чем они увидят землю.

– У меня в городе есть неотложные дела.

– Я могу подождать, чтобы мы отправились во Францию вместе. На корабле ты сможешь сыграть Черную Бороду, а я – благородную даму, которую ты похитил.

На его щеке дернулась жилка.

– Нет.

- Красную Бороду?
- Мне кажется, есть корабль, который отплывает из Дувра завтра, – произнес он, игнорируя ее предложение.
- Завтра? – между тонкими бровями появилась небольшая морщинка.
- Да, и в Париже ты сможешь немного походить по магазинам. Посети того модельера, Чарлза Уорта¹, он сейчас очень популярен. Купи себе несколько платьев.
- Ее карие глаза широко распахнулись.
- Платьев?
- Да. Утром моя карета первым делом отвезет тебя на вокзал Виктория.

Эмма Траффорд тихонько постучалась в комнату сестры и приоткрыла дверь. Одинокая свеча на прикроватной тумбочке слабо освещала темное помещение. Двенадцатилетняя Лили в белой хлопковой ночной рубашке стояла у окна, и казалось, ее худенькое тело и светлые волосы поглощают лунный свет.

- Лили? – прошептала Эмма.
- Охнув, девочка резко повернулась, спрятав за спину театральные очки.
- «Ах ты, маленькая негодница!» Да если та сплетница, что живет через дорогу, заметит, что Лили за ней шпионит, весь Блумсбери будет об этом знать еще до того, как рассветет!
- Ты следишь за миссис Дженкинс?
- Все нет. Можно умереть от скуки, весь день глядя, как она клюет носом.
- Эмма с облегчением выдохнула и выглянула в окно. Небо Лондона не было затянуто извечным туманом. Может быть, Лили решила предаться более интеллектуальным занятиям?
- Ты наблюдала за созвездиями?
- Э-э... ну да, за звездами. – Лили прикусила нижнюю губу. Однажды, когда они постареют и поседеют, Эмма расскажет своей сестренке, что та всегда прикусывает нижнюю губу, когда врет.

– Ничего подобного. Признавайся.

Лили, стоявшая босиком, переминалась с ноги на ногу. Даже в таком тусклом свете Эмма видела два алых пятна на фарфоровых щеках сестры.

– Я наблюдала за женщиной, которая недавно вселилась в дом рядом с миссис Дженкинс. Ты ее видела? Она примерно твоего возраста, может, чуть старше. Носит шляпки с перьями и платья с огромными турнюрами. Поздно ночью к крыльцу подъехала красивая карета, и очень высокий джентльмен вошел в дом.

- Ты за ними шпионила? – Эмма изо всех сил старалась не завопить пронзительно.
- Ну, сегодня они не закрыли ставни, и мне стало любопытно.
- Эмма ахнула:
- Лили, это неприлично!
- Ха! Если ты думаешь, что я веду себя неприлично, посмотрела бы ты на них. Хочешь знать, в чем они легли в кровать?

Эмма хотела, но прежде, чем она успела солгать и сказать «нет», сестренка уже на всех парусах неслась вперед.

– Женщина нацепила ночную рубашку, которая едва ей грудь прикрывает. А на дяденьке... ну, на нем остались только подштанники. – В голосе Лили звучали шок и возбуждение.

– О боже мой! – Эмма метнулась к сестре, протянув руку. – Лилиан Мэри Траффорд, отдай мне бинокль. Немедленно!

¹ Чарлз Фредерик Уорт (1825–1895) – французский модельер английского происхождения, основатель дома моды House of Worth, один из первых представителей высокой моды.

Лили выпятила нижнюю губу, но бинокль отдала.

– Эм, у этого дядьки руки толстые, как на картине Тициана про Марса. И у него самый большой...

Эмма закрыла рот сестренки ладонью. Она не знала, что Лили собиралась сказать, но этот ребенок проводит слишком много времени в библиотеке, рассматривая художественные альбомы, посвященные эпохе Ренессанса, и Эмма боялась, что интерес Лили подогревается вовсе не любовью к искусству.

– Больше ни единого слова. – Эмма убрала руку.

– Но он совсем не похож на старого мистера Пибоди, когда тот выпивает слишком много пунша на рождественском приеме у миссис Грин и снимает рубашку и штаны. – Лили чуть подалась к сестре и заговорила приглушенным голосом: – Он скорее похож на изображения голых мужчин на потолке в Сикстинской капелле. Но больше. И мощнее.

«Ой, мамочки!» Эмма старалась прогнать сладострастные образы, пытавшиеся пробиться в ее сознание.

– Не веришь мне, посмотри сама. – Лили, сияя глазами, показала на окно.

Соблазн присоединиться к сестренке в этом греховном занятии так и манил Эмму. Она никогда не видела мужчину в одних подштанниках. Ну, за исключением мистера Пибоди, но его тощее телосложение и тонкие, как карандаши, ноги ни в малейшей степени ее не впечатляли. А тот единственный случай близости... этот сокрушительный провал она вспоминать не желала.

Эмма положила бинокль на прикроватный столик и задернула шторы.

– Забирайся под одеяло и пообещай мне, что ты больше не будешь подглядывать за соседями. Особенно за *этими* соседями. – Она подтащила сестренку к кровати.

Насупившись, Лили залезла под одеяло и скрестила на груди руки.

– Обещаю.

Эмма поцеловала девочку в щеку.

– Сладких снов, моя дорогая, и не забудь задуть свечку сразу же, как только я закрою дверь.

Эмма пересекла коридор, скользнула в свою спальню и тихонечко подошла к окну. Задернула занавески, при этом кольца на палке загремели. Не в силах удержаться, она чуть раздвинула шторы и выглянула наружу. Дом через дорогу пылал всеми окнами, как маяк в кромешную ночь. Новые соседи определенно не нуждались в деньгах.

Она отошла от окна, переделась в белую ночную рубашку и устроилась в кровати с томиком стихов Теннисона.

Полчаса спустя Эмма все еще невидящим взглядом смотрела на открытую страницу. Вряд ли человек из дома напротив сложением напоминает обнаженные фигуры Микеланджело. Мужчины, подобные им, существуют только в воображении художников. Она отложила книгу и вывернула фитиль в лампе, погрузив комнату во тьму.

Бум! Дверь в спальню с грохотом распахнулась, ударившись о стену.

– Эм! – Обезумевший голос Лили разрезал темноту, как столб света.

С колотящимся сердцем Эмма резко села в постели.

– В чем дело?

Лили кинулась к ней, ее бледное лицо освещалось свечой под колпаком, которую она держала в руке.

– Ты должна позвать констебля!

– Что случилось? – Эмма откинула одеяло.

Свободная рука сестренки затрепетала.

– Тот дядька. Я... я думаю, он убил женщину. Он разорвал на ее теле ту тонкую ткань, потом залез под простыню и улегся на нее сверху. Ее голова моталась из стороны в сторону,

пока он... О, это было ужасно. А потом она просто лежала там, не шевелясь, глаза закрыты, на застывшем лице странное выражение. *Она мертвая!*

Эмма частенько думала о слиянии мужчины и женщины – сравнивала это с тем, что знала сама. После того единственного случая у нее все болело, она стыдилась, чувствовала себя опозоренной и обесчещенной. Но иногда она воображала, как муж нежно снимает с жены одежду в темноте. Или же они решаются оставить гореть одну свечу. Но она никогда не представляла себе, что это происходит при полном свете. Возможно, ей не хватает воображения.

– Эм!

Голос Лили вырвал Эмму из этих ужасных мыслей.

– Лили, ты мне обещала, что не будешь за ними подглядывать.

– Знаю, но...

Эмма перекатилась на другую половину матраса и приподняла одеяло.

– Забирайся в постель.

У сестренки распахнулся рот.

– Ты что, не позовешь констебля?

Эмма вздохнула.

– Дорогая моя, иногда женатые мужчина и женщина занимаются у себя в спальне такими вещами, за которыми двенадцатилетние девочки подглядывать не должны. Они... они играют в игры.

– Это была никакая не игра! Игра – это жмурки или двадцать вопросов! А это был грех! Убийство! В точности как убийства, которые расследует инспектор Персиваль Уитли!

У Лили было богатое воображение, а эти низкопробные книжонки про инспектора Уитли из Скотленд-Ярда отнюдь не улучшали ситуацию.

– Забирайся в постель, – повторила Эмма. – Я уверена, что это была игра.

Поставив свечу на прикроватный столик, Лили легла рядом с ней.

– Если это развлечения для женатых людей, я останусь старой девой. – Лили под простыней вцепилась в руку Эммы. – Ты поэтому не вышла замуж за Чарлза? Потому что знала, что, когда вы поженитесь, тебе придется заниматься такими неприличными вещами?

В груди у Эммы все сжалось, ее опять охватил стыд. Чарлз попросил ее руки три года назад, на ее двадцать первый день рождения, через неделю после смерти папы. Она позволила Чарлзу убедить ее, что им не обязательно дожидаться святости брака, чтобы слиться воедино. Он признавался ей в вечной любви и говорил, что больше не может ждать. Если он не сможет заняться с ней любовью прямо сейчас, то просто сойдет с ума, утверждал он.

Три дня спустя он явился с визитом и сообщил, что его отец против их помолвки. Какой дурой она была, думая, что сын барона женится на девушке много ниже его по положению, особенно на портретистке, не имеющей денег!

– Мы поняли, что не подходим друг другу, – сказала Эмма, стараясь избавиться от чувства вины за свое безрассудное поведение.

– Я рада, – Лили придвинулась к ней ближе, – потому что мне даже думать противно, что тебе пришлось бы играть в такие отвратительные игры.

Чарлз женился в прошлом году на дочери графа, и сейчас его жена ходила с большим животом. Эмма смахнула слезинки, скопившиеся в уголках глаз. Глупо лить слезы. Ей не нужен ни Чарлз, ни любой другой мужчина. Если она продаст достаточное количество портретов, то сможет содержать и себя, и сестру с братом.

Выдав улыбку, Эмма подоткнула одеяло под плечи сестренки и поцеловала ее в щеку.

– Спокойной ночи, моя милая.

Ранние солнечные лучи светили в окна утренней гостиной, оживляя полинявшие голубые стены. Эмма сидела у своего секретера, просматривая счета. Когда она закончит портрет миссис Нейплз, у нее окажется почти вся сумма, необходимая, чтобы заплатить за школу-пан-

сион Майкла, да еще останется, чтобы расплатиться с торговцем углем. А вот на жалованье миссис Флинн уже не хватит. Экономка продолжала работать на них, хотя Эмма недоплачивала ей много месяцев. Несмотря на вечное ворчанье и хмурость, миссис Флинн обладала мягким сердцем и любила их, как родная мать.

Двойные двери распахнулись, и в комнату ворвалась Лили все с тем же драматическим видом, что и ночью.

– Я же говорила тебе, что тот дядька убил женщину с рыжими волосами!

Лили схватила Эмму за руку и поволокла ее через всю комнату.

– Не желаю больше слышать ни слова об убийстве.

Эмма уперлась пятками в протертый ковер. Сестренка топнула ногой и показала на окно.

– Сама посмотри!

Головная боль, начавшаяся, когда Эмма только взглянула на счета, усилилась. Она прижала пальцы к вискам.

– Я требую, чтобы ты прекратила подглядывать.

– Но инспектор Уитли говорит, что всегда нужно тщательно искать зацепки, потому что они обязательно помогут изобличить преступника.

При упоминании об инспекторе Эмма постаралась не возвести глаза к небесам. Положив руку на оконный переплет, она выглянула наружу. На той стороне улицы двое крепких мужчин ставили на телегу большой сундук.

– И что именно я должна тут увидеть?

Лили застонала.

– Ты что, не понимаешь? Труп женщины засунули в этот сундук!

– Ты этого не знаешь.

– А что же, по-твоему, это еще?

– Возможно, они разбирают чердак.

Высокий широкоплечий джентльмен, одетый в темно-синий сюртук и с цилиндром на голове, вышел из дома.

– Это он! – Лили стиснула руку Эммы с такой силой, что наверняка останутся синяки.

Джентльмен снял шляпу и провел рукой по блестящим черным волосам.

Лили тепло дышала в шею Эммы.

– Преступники всегда темноволосые и выглядят опасными. А если этот дядька не выглядит подлецом, то я даже не знаю, что еще про него можно сказать.

Эмма сглотнула. *Она* бы сказала, что он красавчик. Идеальная модель для рисования. Лицо сплошь состоит из жестких углов. Подбородок сильный и решительный. Нос точеный. Он напомнил ей пантеру, которую она видела в зоосаду Риджентс-парка. Изумительная, но если бы кому-то хватило дурости попробовать ее погладить, этот человек наверняка остался бы без руки.

Она перевела взгляд с его широких плеч на сундук. И вправду достаточно большой, чтобы спрятать в нем женское тело. «Да что ж такое!» Она позволяет воображению Лили устроить хаос у себя в голове.

– Я не буду выдвигать против него никаких обвинений. – Он выглядел не просто опасным, но еще и богатым – человеком, финансово вполне способным погубить их, если они его дискредитируют. – У тебя нет доказательств.

– Доказательств? Я же говорила тебе, что видела ночью. А теперь сундук. Какие еще доказательства тебе нужны?

– А я тебе говорила...

– Да, да, игра. Какая чушь!

Тут кучер телеги громко приказал лошадям двигаться, и они снова прильнули к окну. Теперь возле дома стояла еще и закрытая карета с желтыми колесами.

– Видишь, – сказала Эмма, показав на красивый экипаж. – Женщина, вероятно, внутри. Лили начала грызть ноготь на указательном пальце.

– Если бы ты со мной не спорила, я могла бы что-нибудь увидеть. Сбегаю-ка я на улицу и загляну в карету.

Эмма схватила сестренку за руку.

– Ты не сделаешь ничего подобного. Кроме того, они уже поехали.

Лили вырвала руку и прижалась носом к стеклу.

– Проклятье! Но я-то знаю, что видела, и докажу тебе это.

Глава 2

Эмма макнула кисть в лазурную краску на палитре и легонько прикоснулась к холсту. Затем отступила на шаг и оценивающе посмотрела на свою работу. Портрету миссис Нейплз и ее пса, Альфреда, требовалось еще несколько штрихов. Капелька белого, чтобы выделить, мазок серого, чтобы затенить, и картина будет готова.

К счастью, вдове и ее мопсу больше не требовалось позировать Эмме. Миссис Нейплз верила, что Альфред – реинкарнация ее покойного мужа. Эмме хотелось верить, что если это правда, то мистер Нейплз обладал куда лучшими манерами, чем его тезка, самое напыщенное и глубоко страдающее от метеоризма животное, какое Эмма имела неудовольствие знать.

Высокие напольные часы на площадке второго этажа пробили двенадцать раз, и этот бой эхом отдался во всем доме. Подавив зевок, Эмма потерла глаза с отяжелевшими веками.

Полночь.

Глупо продолжать, когда от усталости руки и ноги словно налились свинцом, а керосиновые лампы почти догорели. Она положила кисть на палитру и взяла намоченную скипидаром тряпку, чтобы отмыть краску с инструментов и пальцев. Хвойный аромат ударил в нос. Она закончит портрет завтра, и скоро у нее в руках будут почти все деньги за обучение Майкла. Эмма положила тряпку обратно в миску и выглянула в окно. Голубой лунный свет заливал белые камни дома напротив. Дом стоял пустым и молчаливым весь день. Слуги, как и их хозяйка, куда-то исчезли. Внезапно она заметила какое-то движение, уперлась руками в стекло и всмотрелась в худенькую фигурку, бегущую через дорогу.

Лили!

Эмма со свистом втянула легкими воздух. Мятный леденец, который она посасывала, скользнул прямо в горло. Закашлявшись и выругавшись совсем не подобающим леди образом, она откинула щеколду на окне. К тому времени, как Эмма подняла окно, ее сестренка уже отперла железную калитку в ограде окутанного тьмой дома и исчезла на крыльце черного хода.

Зачем она сказала Лили, что у той не хватает доказательств? Могла бы сообразить, что у девочки тут же возникнет какая-нибудь опрометчивая идея, как эти доказательства добыть. Выскочив из комнаты, Эмма обтерла руки о свободную белую рубашку и серые шерстяные штаны, в которых всегда рисовала, если оставалась одна. Это была одежда, из которой вырос брат.

Она торопливо сбежала вниз по лестнице, схватила с вешалки в прихожей вязаную шапку Майкла и натянула ее на голову, спрятав волосы. Распахнула дверь, выглянула наружу, посмотрела на соседские дома. К счастью, миссис Дженкинс уже должна спать. Эта сплетница насочиняла бы с три короба, заметив Лили или Эмму, шмыгающих по улице в неурочный час, причем Эмму еще и в мужской одежде.

Когда она перебежала дорогу, завитки тумана поднимались с влажной мостовой, обвиваясь вокруг ее щиколоток. У Эммы возникло дурное предчувствие, словно кто-то вел ледяным пальцем по ее позвоночнику. Она положила руку на железную калитку и толкнула. Петли зловеще закрипели. Эмма спустилась по ступеням вниз, ожидая увидеть сестру, прижавшуюся носом к окну, но в свете уличного газового фонаря разглядела, что окно распахнуто, а под ним стоит деревянный ящик.

«Это перебор даже для Лили». Когда она доберется до сестренки, то потащит ее домой за ухо. А потом испытает невыразимое наслаждение, сжигая все до единой книги об инспекторе Уитли, какие только есть у Лили.

Эмма подтянулась и перебросила через подоконник сначала одну ногу, затем другую. Оказавшись внутри, дала глазам привыкнуть к темноте, лишь слегка разбавленной падающим в окно уличным светом.

– Лили? – прошептала она, направляясь к ступеням в дальнем конце кухни.

Узкий лестничный пролет был погружен во мрак. Эмма вцепилась в деревянные перила и поднялась на четвертый этаж, где должна находиться хозяйская спальня и, предположительно, Лили. Большое сводчатое окно, выходящее на улицу, давало достаточно света, чтобы разглядеть широкий коридор с четырьмя дверями. Ближайшая справа от окна была открыта. Эмма прокралась в темную комнату. Белые пыльные чехлы, укрывавшие мебель, придавали высоким предметам сходство с призраками.

Краем глаза Эмма заметила какое-то движение. Из темноты на кровать прыгнул белый кот. Девушка ахнула и отшатнулась, прижав руку к бешено колотящемуся сердцу.

Кот мяукнул и потянулся к ней всем телом.

Эмма протянула руку и почесала его за ухом.

Снаружи послышался топот копыт, разорвавший тишину улицы.

Эмма подкралась к окну и чуть приоткрыла ставню.

Перед домом стояла карета. Лошади трясли головами, тяжелая упряжь гремела, дыхание вырывалось из ноздрей животных, превращаясь в белые облачка пара.

Из кареты выпрыгнул широкоплечий мужчина. Длинное пальто ударило его по ногам, разгоняя туман, поднимавшийся с влажной мостовой. Он поднял голову, и свет уличного фонаря наискось упал на угловатое лицо.

Эмма резко вдохнула холодный воздух. Сегодня днем она сочла этого мужчину красивым, но без яркого солнца его лицо выглядело угрожающим.

Он быстро зашагал к дому.

Ее дыхание участилось. Прикусив кулак, Эмма круто отвернулась от окна и лихорадочно огляделась. Где Лили? Хочется надеяться, что уже дома.

Она выбежала в коридор.

Парадная дверь распахнулась, затем с грохотом захлопнулась. Руки и ноги Эммы окоченели. В ушах с грохотом стучала кровь – *бух, бух, бух*. Она метнулась обратно в спальню, упала на четвереньки и заползла под кровать.

– Кисмет!

Низкий голос мужчины словно отскакивал от стен. Быстрые шаги – поднимается по лестнице.

Эмма высунула голову из-под матраса. Лунный свет отражался в глазах кота, как будто струившегося по комнате. Кот вышел в коридор, мяукнул, метнулся обратно в спальню и, забравшись под кровать, расположился рядом с Эммой.

– Кисмет!

Джентльмен уже почти поднялся. Эмма торопливо спрятала голову обратно под кровать и моргнула, глядя на кота, который начал тереться об нее.

– Это ты Кисмет? – прошептала она.

Животное боднуло ее, словно подтверждая опасения.

– Брысь!

Она оттолкнула от себя пушистика и натянула вязаную шапку брата как можно ниже, пряча волосы.

Шаги мужчины становились все громче. Скрипнула половица у двери.

Эмма зажала рот руками, надеясь, что сумеет приглушить дыхание, низко опустила голову и выглянула из-под подзора кровати. Лунный свет пробивался между слегка раздвинутыми ставнями. Один луч упал на приближающиеся черные мужские ботинки, и те блеснули. Мягкая шерсть снова задела ее руку, и мурлыканье кота разнеслось по всей комнате, словно чем-то усиленное.

– А, я знал, что ты будешь тут. – Мужчина опустил на одно колено.

Сунул руку под кровать. Сердце Эммы колотилось так громко, что она боялась, как бы джентльмен это не услышал. Она плотно прижала руки к телу.

Подушечки пальцев притронулись к ее плечу.

Раз.

Другой.

– Что за чертовщина? – проворчал он.

Длинные пальцы обхватили ее запястье мертвой хваткой, вытащили из-под кровати и поставили на ноги. Мужчина оказался даже выше, чем она думала. Эмма запрокинула голову и посмотрела в темные глаза. На один невероятный миг она обрадовалась, что он крепко ее держит, потому что ее ноги отказывались выполнять эту функцию.

– Парень, ты выбрал не тот дом, чтобы его обчистить.

«Парень?» Эмма глянула вниз, на одежду брата.

Джентльмен хорошенько ее встряхнул.

Боль пронзила руки в местах, где его пальцы без перчаток впились в кожу. Паника сжала грудь, как тисками, и Эмма с размаху опустила ногу на его сверкающий ботинок.

Его хватка осталась все такой же железной, словно ему на ногу опустилась всего лишь надоедливая муха.

– Ты, негодник, дай мне только повод надрать тебе уши и оттащить тебя к судье-магистрату.

У нее перехватило горло.

– Черт побери, отвечай мне! – Он отпустил ее руку.

Она тут же попыталась сбежать.

– Нет, ничего не выйдет. – Его пальцы снова сомкнулись у нее на запястье.

Эмма инстинктивно сжала кулак другой руки и размахнулась.

Мужчина увернулся. Его белые зубы сверкнули в тусклом свете.

Брат рассказывал ей, куда надо бить, если на тебя нападет мужчина. Не раздумывая больше, Эмма приподняла коленку и всадила ее между ног джентльмена.

– Ох! – Он рухнул на колени, как мешок с углем.

Она несколько секунд смотрела на него и слушала, как тяжело он вдыхает и выдыхает. «Беги! – приказал голос в голове. – Кто позаботится о Лили и Майкле, если тебя арестуют?» Поглядывая на открытую дверь, она прижалась спиной к стене и стала пробираться мимо сжавшегося на полу тела.

И уже почти проскочила, но тут его большая рука метнулась вперед и сомкнулась у нее на щиколотке. Эмма попыталась стряхнуть его руку, но он сильно дернул ее за ногу, и она с громким «бух» упала на спину. От копчика до лопаток растеклась резкая боль.

Тяжело, неровно дыша, мужчина забрался на нее и уселся верхом, зажав тело Эммы между мощными мускулистыми бедрами, придавив ее своим весом, лишив возможности шевельнуться. Луч лунного света упал на его худощавое лицо, демонстрируя безупречно чеканные черты и шрам в форме полумесяца на левой щеке. Живот стиснуло ужасом, но она не могла оторвать глаз от сурового, прекрасного угловатого лица.

– Ну знаешь ли, убудочный ты паршивец. Я-то всего лишь хотел тебя напугать, но теперь ты меня чертовски разозлил. – Он положил руку ей на грудь. Его пальцы сжались, а глаза расширились. – Проклятье, так ты женщина?

Она оттолкнула его руку и забрыкалась под ним.

Он наклонился ниже.

Пряный мужской аромат поплыл от его разгоряченной кожи, теплое дыхание оведало ее ухо.

По телу Эммы побежали мурашки.

– Ах ты, кошечка, мне прямо хочется перекинуть тебя через колено и отшлепать как следует.

От низкого, соблазнительного тембра его голоса Эмма затрепетала, а внизу живота словно взорвались искры. Да что с ней такое? Она бы должна перепугаться до смерти, но вовсе не страх заставлял ее сердце биться чаще. Господи, наверное, она сошла с ума.

Сжимавшие ее ноги расслабились. Мужчина пошевелился, но его лицо оставалось напряженным, словно ему все еще было больно.

– Если я встану, обещаешь вести себя нормально?

Она облизнула пересохшие губы, открыла рот и тут же его захлопнула, потому что таившаяся у дверей тень скользнула в комнату. Худенькая фигурка двигалась – кралась вдоль стены.

«Лили. Господи!» Неужели у этой девочки нет ни капли здравого смысла? Неужели она хочет, чтобы они обе предстали перед судьей-магистратом?

Эмма вцепилась в лацканы пальто джентльмена и подтянула его к себе. Скользнула одной рукой ему за плечо и махнула сестренке, чтобы та уходила.

Мужчина отпрянул.

– Что это ты такое задумала?

– Это покаяние.

Ее голос прозвучал тихо, сладострастно, так, что она сама его не узнала. Эмма запустила пальцы в его густую шевелюру и прильнула губами к его рту.

Губы у него были твердыми. Неотзывчивыми. Разумеется, для этого ей не хватает умения. Она уже хотела сдаться, как вдруг он прижался к ней всем своим телом. Напряжение в мышцах исчезло, а воздух вокруг них налился ощутимой силой.

Он издавал какие-то низкие хриповатые звуки, его губы жадно впивались в ее рот. Пальцы стиснули запястья. Он отвел ее руки от себя, прижал их к полу у нее над головой. Его язык скользнул ей в рот, сплелся с ее языком, вынырнул наружу, снова нырнул в рот.

У него был привкус бренди и греха, а порочность, с которой он ее целовал, разгорячила ее. Везде. Эмма с трудом подавляла желание изогнуться ему навстречу. Проиграв сражение с собой, она прижалась ноющими грудями к его твердой груди.

Скрипнула половица.

Лили! Неужели этот ребенок все еще в комнате? Смотрит? Не убежала, на что так надеялась Эмма?

Эмма уронила ладони мужчине на плечи в тот самый миг, когда раздался грохот. Осколки керамики разлетелись вокруг как фейерверк, и девушка сильно зажмурилась.

Мужчина рухнул на нее всем весом.

Эмма открыла глаза и увидела стоявшую над ними Лили. Девочка держала в руках дно разбитой вазы.

– Лили, что ты наделала?!

Сестренка швырнула остаток вазы на кровать и смахнула с рук крошки.

– Спасла тебя, Эм. Он собирался убить тебя в точности тем же способом, каким убил свою предыдущую жертву.

«О боже!» Эмма выползла из-под тяжелого тела и поднесла пальцы ко рту мужчины. Ощутила дыхание. Узел в желудке слегка расслабился.

– К счастью, ты его не убила, Лили.

– Я должна была тебя защитить. Не могла же я позволить ему...

– Тихо, – сказала Эмма, осторожно ощупывая его затылок. Там уже начала наливаться шишка, но хотя бы крови не было.

Луч лунного света упал на золотое кольцо на правом мизинце мужчины. Лили присела на корточки и потрогала его.

– Тут на нем какой-то символ. Как по-твоему, что он означает?
– Не знаю. Не трогай. – Эмма мягко убрала со лба мужчины прядь волос.
– Это вполне может быть знак какого-нибудь тайного общества убийц. В третьей книге про инспектора Уитли, «Кровь в Темзе», была такая преступная группа.

Из рта мужчины вырвался негромкий стон.

Эмма вскочила на ноги.

Лили все еще рассматривала кольцо джентльмена.

– Скорее.

Она схватила Лили за руку и потащила сестренку прочь из комнаты. Они сбежали вниз по лестнице и подбежали к открытому кухонному окну.

– Эм...

Она зажала Лили рот.

– Ш-ш-ш, его ждет кучер. Вылезай наружу и жди меня.

Кивнув, Лили взобралась на подоконник и вылезла наружу. Эмма последовала за ней. Они прокрались вверх по ступенькам и посмотрели на человека, сидевшего на козлах кареты. Подбородок его упирался в грудь, а храп далеко разносился в ночной тишине.

Сестры на цыпочках перебежали через дорогу и скользнули в свой дом. Эмма обмякла, прижавшись спиной к входной двери, и стянула с себя шапку.

– Эм, ты просто не поверишь, что я видела...

Дрожащим пальцем Эмма указала на лестницу.

– В постель! Или, клянусь, я отволоку тебя туда за косу!

У сестренки распахнулся рот.

– Но...

Эмма оттолкнулась от двери и угрожающе шагнула к Лили.

Девочка помчалась вверх по ступенькам.

Эмма вошла в утреннюю гостиную, открыла ставни и выглянула наружу.

Если джентльмен не выйдет из дома через пять минут, у нее не останется выбора – придется сказать кучеру, что тот лежит в доме, раненный. Внезапно парадная дверь дома напротив с грохотом распахнулась. Мужчина, спотыкаясь, вышел наружу. Одной рукой он держался за голову, другой сжимал кота.

Плотно закрыв ставни, Эмма выдохнула, выпустив из легких весь до сих пор сдерживаемый воздух.

Саймон приоткрыл один глаз и взглянул на уставившихся на него людей. На их лицах застыло ожидание. Он прищурил открытый глаз и посмотрел на хрустальный бокал, который держал в руке. Бокал был уже пуст, на стенках загустела коричневая жидкость, напоминающая конский навоз на подошве ботинка.

Едкая бурда, которую подсунул ему Джеймс Хантингтон, отправит его напрямик в могилу. Ну, точнее, отправила бы, если бы Господь проявил милосердие.

Саймон схватился за горло. Оно горело, как будто он проглотил пылающий факел. Мужчина откинулся на спинку кожаного кресла.

Почему он провел ночь в своем джентльменском клубе, было выше его понимания. Следовало бы искать утешение между ног какой-нибудь сладкоречивой женщины с руками, умеющими успокаивать. Видимо, та проклятая ваза вышибла из его мозгов все разумные мысли.

Он поставил бокал на стол.

– Вкус омерзительный.

Хантингтон улыбнулся – редкий случай. Когда-то он был любимчиком общества, человеком, которого все хотели у себя видеть, но после смерти жены и выпавших на его долю подозрений маркиз впал в немилость.

Саймон прижал ладонь ко лбу. Что бы он там ни выпил, это не смягчило адскую боль в голове. Если он когда-нибудь доберется до этой роковой женщины, то заставит ее заплатить за все. Хватило бы и одного ужасного удара коленом по яйцам, но отвлечь его теплыми губами и податливым телом только для того, чтобы ее сообщник треснул его по голове... Ну, это уж и вовсе непростительно!

– Помогло? – Хантингтон показал на бокал.

Джулиан Чамберз отодвинул свое кресло от обтянутого сукном стола и подошел к Саймону.

– Ну что, прошла голова?

Его голос отразился от панелей красного дерева, которыми была обшита эта приватная комната.

– Нельзя ли проявить капельку милосердия и говорить потише? – попросил Саймон. – Не знаю, что там Хантингтон мне подсунул, но оно меня медленно убивает, а ты не помогаешь мне принять мирную кончину.

– Потерпи минутку, дружище, – заявил Хантингтон. – Клянусь могилой моей бабушки, оно поможет.

Громкий хохот Карутерза заполнил комнату. Саймон предположил, что его рассмешил тот факт, что вздорная и сварливая бабушка Хантингтона была жива и здорова.

– Я редко видел, чтобы кто-нибудь взял над тобой верх, Адлер, – заметил Карутерз. – Сколько человек напали на тебя вчера? Пятеро? Шестеро?

Саймон глянул на одного из своих ближайших друзей, Хейдена Уэстфилда. Того единственного, кому он признался, что одним из напавших была женщина, отвлекшая его своим роскошным телом и обещанием раскаяния.

– Да, расскажи-ка нам, сколько *мужиков* на тебя напали. – Уэстфилд ухмыльнулся.

Саймон прищурился, глядя на Уэстфилда.

– На меня напали два *человека*.

Карутерз моргнул.

– Всего двое? Ударили тебя, когда ты повернулся спиной, а?

Уэстфилд фыркнул, затем взял утреннюю газету и спрятал за ней ухмылку.

«Проклятье, неужели им всем необходимо говорить так громко?»

Саймон застонал.

– А где была твоя пассия, когда все это происходило? – Карутерз изогнул бровь.

– Вчера я отвез Вивиан на вокзал Виктория. Она отдыхает во Франции.

– Ее решение или твое? – спросил Карутерз.

– Мое. Я велел ей поехать и купить себе в Париже несколько платьев.

– А, вижу, складывается определенная система. Даму перед Вивиан ты тоже отправлял туда перед расставанием. – Хантингтон сел за карточный стол.

Да, та – оперная певица – обладала голосом, от которого могли лопнуть не только барабанные перепонки, но даже стекла в окнах. Саймон вздохнул.

– Когда Вивиан вернется, я, пожалуй, куплю ей красивую побрякушку и покончу с этим.

– И сколько любовниц у тебя получилось в прошлом году? – спросил Уэстфилд, опуская газету.

«Слишком много». В последнее время Саймон испытывал беспокойство. Неудовлетворенность. Словно ему не хватало чего-то, что не могло обеспечить даже богатство.

– Ты что, пишешь мою биографию?

– Нет, просто беспокоюсь за тебя, дружище. Не хочешь, чтобы мы позвали доктора Триммера? – Уэстфилд потер подбородок.

– Почему бы тебе не отправить ухаживать за ним твою прелестную супругу – сестру милосердия? – Карутерз вернулся в свое кресло.

Уэстфилд сердито посмотрел на него.

– Не знаю точно, отчего он стонет – из-за шишки на голове или распухших яиц, но их я Софии осматривать не позволю.

Комната снова взорвалась смехом, и в голове у Саймона застучало сильнее. Он закрыл глаза, молясь о скорой смерти.

Как ему показалось, всего через несколько минут он открыл глаза и вытащил из кармашка жилета часы. Почти полдень. Черт, он заснул. И пока спал, ему снился теплый, с мятным ароматом рот той дьяволицы и ее мягкое тело. Он повернул голову налево, затем направо. Головная боль прошла.

Хантингтон и Карутерз играли в безик², Уэстфилд, удобно устроившись в кресле, читал. Что он тут до сих пор делает? После женитьбы Уэстфилд редко проводил время в клубе. В отличие от Хантингтона, который приходил в приватную комнату, желая избежать шепотков о том, что он якобы причастен к смерти жены. Чертово вранье.

Уэстфилд перевернул страницу книги и взглянул на Саймона с выражением озабоченности на лице.

Да будь оно все проклято, в какую наседку превратился этот парень!

– Отлично, Хантингтон! – воскликнул Саймон, показывая на пустой бокал.

Тот оглянулся и всмотрелся в Саймона.

– Помогло? – Вид у него был потрясенный.

– Да, но что за чертовщину ты там намешал?

– Виски, рассол, кайенский перец, овес и...

– Черт побери, Хантингтон, ты что, пытался его прикончить? – спросил Уэстфилд, захлопывая книгу.

Хантингтон встал из кресла во весь свой немалый рост.

– Мой камердинер клянется, что это вылечит любую хворь или растворит лак на мебели – на твой выбор.

Саймон поежился. Ему повезло, что он не отдал тут концы с дырой в желудке. Он уставился на светлую полоску кожи на левой руке и моргнул. А где кольцо с печаткой? Неужели его украли та бьющая по яйцам мегера? Или он потерял его во время возни? Он вскочил на ноги.

– Куда это ты? – спросил Карутерз.

– Мне нужно кое-где быть.

– Я тоже ухожу, – сказал Уэстфилд.

Они вместе вышли из комнаты, и Уэстфилд положил руку на плечо Саймона.

– Ты все же придешь завтра на обед?

– Конечно. Я не видел своего крестника больше недели. Как молодой человек поживает?

Губы Уэстфилда расплылись в улыбке.

– Уже ползает. Может быть, тебе тоже пора жениться и завести собственного отпрыска?

«Жениться? Господи, нет!» Он своими глазами видел, в какого глупца любовь может превратить мужчину. Его мачеха – порождение дьявола. Она отравила отношения Саймона с отцом, и его батюшка ушел в могилу, твердо веря во все, что наговорила ему эта бессовестная интриганка. Нет, он не допустит, чтобы женщина обвела его вокруг пальца.

– Мне нравится свобода.

Взгляд Уэстфилда был исполнен чего-то, слишком похожего на жалость, и Саймон сообразил, что водит пальцем по своему шраму. Он опустил руку.

– Тебе нужно научиться доверять, друг мой. Не все женщины такие же интриганки, как Джулия.

– Я доверяю женщинам.

² Безик – карточная игра.

– Кому? Своим любовницам? – Уэстфилд недоверчиво посмотрел на него. – Даже их ты держишь на безопасном расстоянии. Семья пойдет тебе на пользу.

У него была семья, но он потерял ее в мгновение ока, и все потому, что отец поверил словам Джулии, а не своего сына.

– Твоя проповедь о доверии произвела бы на меня куда большее впечатление, если бы ты произнес ее не на следующий день после того, как женщина попыталась расколоть мне череп. А теперь мне нужно идти. Я должен посадить в клетку одну маленькую птичку.

– Женщину, с которой ты познакомился прошлой ночью?

– Да.

Как и мачеха, она сначала обманула его, а затем проявила свою истинную сущность. Саймон стиснул кулак, остро ощущая отсутствие кольца. Во сне женский похотливый голос нашептал ему слово «покаяние».

Господь свидетель, если кольцо украла она, он ее отыщет и заставит заплатить.

Глава 3

Лили металась туда-сюда по утренней гостиной.

– Говорю тебе, Эм, лунный свет упал на кровать, и я увидела красные капли крови, впитавшиеся в белое одеяло. Ты бы и сама их увидела, если бы не попала не в ту комнату.

Эмма отвернулась от окна. Дом через дорогу оставался пустым. Все утро она боялась, что на них обрушится целая армия констеблей или же полицейские начнут расспрашивать соседей, но пока ничего такого не случилось. Эмма потеряла глаза. Этой ночью она так и не смогла уснуть, поэтому встала и закончила портрет миссис Нейплз.

А теперь Лили своей болтовней угрожала свести Эмму с ума.

– Ты уже сделала математику или начала читать учебник географии, который я тебе дала?

– Читать? Я слишком потрясена. Ты вообще понимаешь, что я спасла твою жизнь?

«Да чтоб тебя!» Она снова и снова повторяла этому ребенку, что тот мужчина ее не убивал. Что на самом деле это *она* его поцеловала, чтобы отвлечь его и дать Лили время убежать. Эмма закрыла глаза, вспоминая, как язык этого мужчины переплетался с ее языком. Чарлз никогда не целовал ее так, причем настолько страстно. Она провела кончиком языка по губам, но того ощущения не возникло.

– Но ты хотя бы прочитала книгу сонетов, что тебе прислала тетя Генриетта?

Лили уставилась в потолок, как будто ее заворожило мокрое пятно на белой краске.

– Но ты понимаешь, что тетя Генриетта напишет и спросит, что ты о них думаешь?

– Сонеты так же вдохновляют, как разговоры с Рональдом Уоттсом.

– Рональд не может разговаривать. Ему всего семь недель.

– Вот именно. – Лили скрестила руки на груди. – Я их прочту, если ты вернешь мои книги про инспектора Уитли.

– Не верну. Тебе повезло, что я не бросила их в камин и не превратила в золу. Ты поступила безрассудно. Противозаконно. И одному богу известно, в каком состоянии тот несчастный джентльмен.

– Несчастный джентльмен! Фу! Я бы сказала: подлый негодяй.

Эмма подошла к секретеру, открыла верхний ящик и вытащила брошюру про Школу Изящных Манер миссис Хиббл. Полистала страницы.

– Я все еще думаю, что это неплохая школа для юных леди.

– Да божечки, ты не можешь говорить об этом всерьез. Это же в Нортумберленде! Самые дикие места Англии! А у жителей Ньюкасла ужасный акцент. Если ты меня туда отправишь, я вернусь домой и буду разговаривать неразборчиво. – Лили направилась к открытой двери, но вдруг остановилась и так резко повернулась, что ее длинная белокурая коса хлестнула воздух. – Ты будешь скучать по мне, Эм. Ведь Майкл тоже в школе, и ты останешься совсем одна.

Она бы никогда не отослала Лили так далеко, даже если бы у нее были на это деньги, но эта угроза всегда помогала разрядить обстановку и прервать разглагольствования сестренки, что бы та ни придумала.

– Здесь есть миссис Флинн, и я всегда могу пригласить тетю Генриетту пожить со мной.

Лили вытаращила на нее глаза.

– Тетя Генриетта уже в маразме, половину дня спит, а когда просыпается, бесконечно жалуется.

– Я буду наслаждаться тишиной и покоем, когда она спит.

– Пфф. – Лили повернулась, чопорно направилась к двери, а затем побежала и, топая по вытертому голубому ковру, промчалась мимо входившей в комнату экономки.

Миссис Флинн скрестила на пышной груди полные руки и нахмурилась.

– Явилась миссис Нейплз с *той собачонкой*, которую она считает своим покойным мужем.

Эмма понимала недовольство экономки. Мопс не только сильно портил воздух, в прошлый раз он еще и надул на ковер.

– Пожалуйста, проводите ее ко мне, миссис Флинн.

Что-то бурча себе под нос, экономка вышла.

Секунду спустя в комнату ворвалась миссис Нейплз, маленький песик тащился за ней следом, и это выглядело так, словно к ее подолу прилип кусок говядины.

– Эмма, дорогая, вы закончили мой портрет!

«Откуда она знает?» Эмма моргнула, глядя на седовласую женщину.

Как будто услышав ее безмолвный вопрос, миссис Нейплз сообщила:

– Альфред сказал мне сегодня за завтраком. – Она погладила мопса по голове: – Правда, милый?

Песик дважды громко гавкнул.

– Так он готов, верно? – спросила пожилая женщина.

Эмма прищурилась, глядя на собаку, и уже не в первый раз подумала, что, возможно, миссис Нейплз не такая уж и полоумная, как все считают.

– А, да.

– Я так и знала. Альфред редко ошибается.

Песик снова гавкнул.

– Не будь таким хвастуном, Альфред. Это неприлично. – Миссис Нейплз заговорщически придвинулась к Эмме. – Когда мы только поженились, я не могла за завтраком вытянуть из него ни словечка, но теперь, когда он только мочит газеты, а не читает их, он болтает без умолку. Иногда это очень утомляет.

Альфред принялся к коврику. Миссис Флинн придет в ярость, если пес снова обдует его. Эмма положила руку на спину женщины.

– Миссис Нейплз, хотя портрет и готов, краска еще должна высохнуть. Однако я могу показать его вам и Альфреду.

Женщина возбужденно хлопнула в ладоши.

– Это будет чудесно. Правда, Альфред?

Песик встал на задние лапки и прошелся кругом.

В студии Эммы миссис Нейплз взяла Альфреда на руки и уставилась на портрет. От ее неподвижности и непроницаемого выражения лица у Эммы в животе возникла тяжесть.

Задуманно всхлипнув, миссис Нейплз прижала руку ко рту и расплакалась. Не просто тихо заплакала, а разразилась горькими рыданиями, от которых тряслись ее плечи. Альфред, словно утешая, ткнулся ей в лицо своей мордочкой.

«Это не сулит ничего хорошего». Тяжесть в животе Эммы переместилась выше, в груди все сжалось. Эмма боялась, что, если миссис Нейплз откажется платить, сама она разрыдается куда горше, чем заказчица.

Внезапно миссис Нейплз повернулась к ней и схватила ее за руку.

– О, моя дорогая, как чудесно! Вы по-настоящему сумели понять и отразить душу Альфреда. Не знаю, как вас и благодарить!

Час спустя Эмма осматривалась в бакалейной лавке.

– Мистер Мейз, я еще возьму баночку чая «Эрл Грей». – Она пыталась сдержать улыбку, но после визита миссис Нейплз это казалось невозможным.

Когда она в последний раз чувствовала себя так беспечно? После папиной кончины ни разу. А сейчас ей казалось, что она плывет на облачке. До чего чудесно чувствовать себя ничем не обремененной! Миссис Нейплз не просто вручила ей чек на оговоренную сумму, но доба-

вила еще три фунта. Неожиданный подарок! И как будто этого было мало, чтобы поднять ей настроение, тот факт, что полиция так и не появилась, лишь усилил эйфорию.

– Могу я предложить вам что-нибудь еще, мисс Траффорд? – спросил мистер Мейз.

Эмма показала на мармелад Кейлера. Когда папа еще был жив, этот джем из севильских апельсинов всегда подавался у них на завтрак, но она не покупала его больше года.

– Я возьму горшочек мармелада.

Бакалейщик, невысокий мужчина лет тридцати с небольшим, с каштановыми волосами, но уже начавший лысеть, поставил горшочек на прилавок и открыл большую стеклянную банку с лакричными конфетками, положил несколько леденцов на белую бумагу и аккуратно завернул. Затем протянул руку назад, к круглой жестянке с мятным драже.

Он оглянулся на тяжелую штору, отделявшую заднюю комнату от лавки.

– Это для Лили, – прошептал он, протягивая ей кулек с лакричными леденцами. – А мятное драже для вас. Я знаю, как вы его любите.

– Найджел! – послышался из-за шторы натянутый голос.

Как оказалось, властная мать бакалейщика стояла на страже, подслушивая. Миссис Мейз ошибочно считала, что Эмма отвечает на чувства ее сына. Но в этом отношении ей нечего было бояться. Эмма никогда бы не вышла замуж за мужчину, чья мать все время маячит у него за спиной и контролирует каждый его шаг.

Да ей и не требуется, чтобы какой-то мужчина о ней заботился.

– Вы так заботливы, мистер Мейз, но я, конечно же, за все заплачу. – Она положила несколько монет на прилавок и сунула конфеты в ридикюль. – Конфеты я возьму с собой, а мармелад с остальными покупками, пожалуйста, доставьте на дом.

Бакалейщик указал на свертки, которые Эмма положила на прилавок, когда вошла в лавку.

– Хотите оставить ваши вещи тут, мисс Траффорд? Мне совсем не сложно доставить их вместе с вашими покупками.

Эмма взглянула на пакеты. Перед тем как зайти сюда, она купила Лили голубое ситцевое платье, а Майклу – пару перчаток. Перчатки для верховой езды, надо же. До чего же глупо! Они продали лошадь и экипаж в прошлом году.

Эмма провела рукой по шляпной коробке в цветочек, лежавшей под остальными свертками. Она простояла перед лавкой модистки десять минут, глядя на выставленную в витрине кремового цвета шляпку с бутонами роз и лентами из тафты. Очень необдуманно покупать себе такую нарядную вещь.

– В высшей степени любезное предложение, мистер Мейз, но я возьму их с собой.

Ей не терпелось показать Лили голубое платье... и, вероятно, так же не терпелось еще раз примерить шляпку.

Саймон смотрел в окно кареты. Улицы Блумсбери были заполнены громыхающими подводами и мальчишками-газетчиками и пропитаны сладким ароматом из ближайшей пекарни. Чувствуя себя не в своей тарелке, Саймон потянулся к кольцу, совершенно забыв о его исчезновении. У него имелась ужасная привычка вертеть его на пальце. Он вытащил серебряный портсигар.

«Пустой. Проклятье!» Саймон открыл окошечко за спиной кучера.

– Хиллман, остановитесь у табачной лавки.

– Да, милорд.

Карета подкатила к обочине, Саймон выпрыгнул на мостовую. Он успел сделать всего несколько шагов, когда в него с размаху врезалась какая-то женщина. Его рука в перчатке метнулась вперед, подхватив женщину под локоть.

– Извините, мадам.

– Нет-нет, это я должна просить прощения, сэр. – Она бросила взгляд на свои свертки, верхний из которых уже почти соскользнул.

Саймон отпустил ее локоть и удержал сверток.

Из магазина выскочил бакалейщик в белом фартуке, прищурившись, кинул сердитый взгляд на Саймона и подбежал к женщине.

– Вы не ушиблись, мисс Траффорд? Не хотите ли вернуться в лавку и посидеть немного в задней комнате? Я уверен, моя мать не станет возражать против вашего общества.

– Спасибо, мистер Мейз, но в этом нет никакой необходимости.

Напряжение в голосе женщины явно выражало ее неприязнь к мысли о том, чтобы провести время с матерью этого человека. Однако, судя по тупой улыбке парня, он ни о чем не догадывался.

Саймон потянулся к сверткам женщины.

– Мадам, у вас есть карета, куда я могу все это отнести?

– Вы очень любезны, но я живу совсем рядом. А день сегодня такой славный.

Саймон взглянул на небо. Голубино-серое, и солнце до сих пор не выглянуло. Надо полагать, у этой женщины какой-то дефект зрения. Она представляет собой опасность не только для самой себя, но и для всех пешеходов Блумсбери. Он забрал свертки из изящных, обтянутых перчатками рук.

Их взгляды встретились. Женщина попятилась назад и закачалась, как потерявший равновесие волчок. Золотистые ресницы затрепетали.

«Боже милостивый! Она что, больна?» Саймон сунул свертки бакалейщику и схватил женщину за плечи, чтобы она не упала на тротуар. Ее ошеломительные синие глаза невероятно округлились, когда она сосредоточила на нем взгляд.

– Мадам, вам нездоровится?

Она открыла рот, но из него не вырвалось ни звука.

Бакалейщик вздохнул.

– Она казалась такой здоровой! Теперь мама точно не даст нам благословения.

Саймон прищурился, посмотрев на глупца.

– Если вы объясните мне, куда идти, я провожу ее домой.

Женщина отчаянно замотала головой и едва слышно пискнула.

Над дверью бакалейной лавки звякнул колокольчик. Оттуда вышла худая дама с неприятным лицом, одетая во все черное, и встала рядом с бакалейщиком.

– Возвращайся в лавку, Найджел. Пусть джентльмен сам разбирается.

– Но, мама, мы его даже не знаем! Он может оказаться подлецом. Например, попытается скомпрометировать мисс Траффорд, пока ее провожает.

Не обращая внимания на пререкающуюся парочку, Саймон оглянулся на своего кучера.

– Хиллман, заберите свертки этой женщины. – Он снова посмотрел на бакалейщика. – Где она живет? – рявкнул он властным голосом.

От лица бакалейщика отхлынули все краски.

Старуха шагнула вперед.

– Грейт-Джеймс-стрит, двенадцать.

– Но, мама...

– Я... со мной все хорошо, сэр. – Женщина наконец-то заговорила едва слышным шепотом, словно горло ей опалило дымом.

Мисс Траффорд – видимо, соседка Вивиан – явно не чувствовала себя хорошо. Лицо ее приобрело призрачно-белый оттенок.

– В таком состоянии вы домой идти не можете. А ваши свертки уже в карете.

Саймон решительно подтолкнул женщину в спину, помог ей сесть в карету и устроился напротив.

Экипаж покачнулся, когда Хиллман забрался на облучок, затем дернулся и покати́л вперед.

Саймон изучал бледное лицо мисс Траффорд. Изящные черты – носик пуговкой и губки бантиком, розовые и выглядевшие весьма податливыми. Синевя глаз темнее, чем бывает обычно, а на радужке едва заметные серые пятнышки. Прелестно. Однако белокурые волосы напомнили ему мачеху. В животе шевельнулся узел, и он торопливо прогнал мысли о Джулии.

Саймон стянул перчатки, положил их на сиденье и посмотрел на ридикюль, болтавшийся на запястье мисс Траффорд. Возможно, она носит с собой нюхательные соли. Женщины, часто падающие в обморок, обычно так и делают.

– Вам полегчало? А флакона с нюхательной солью у вас в сумочке нет?

Мисс Траффорд покачала головой, вжалась спиной в угол, как мышь, пытающаяся спрятаться от кота, и уставилась на него так, словно он воплощение дьявола.

Может, она не больна. Может, это... Его пальцы коротко коснулись левой щеки. Бывали случаи, когда он напрочь забывал про свой шрам. Но иногда, вот как сейчас, он ощущал его куда острее.

Когда он был моложе, шрам сильно выделялся – уродливая красная отметина, привлекавшая внимание. Мальчишки в школе делали на этот счет недобрые замечания, частенько вынуждая его пускать в ход кулаки. Но после того, как он разбил до крови не один нос, больше никто о шраме не заикался.

Время все сгладило. Однако мисс Траффорд смотрела на него так, словно он приводил ее в ужас. Глупая женщина. Надо было оставить ее с бакалейщиком и его похожей на ворону мамашей.

– Мадам, – произнес он, стараясь, чтобы в голосе не прорывалось возмущение, – заверяю вас, что не причиню вам вреда.

– Куда вы меня везете? – Ее пронзительный голос ударил его по ушам.

Он понадеялся, что сумел изобразить на лице дружелюбное выражение.

– В ваш дом на Грейт-Джеймс-стрит. Я не собираюсь вас похищать. И хотя вы вольны всю дорогу сидеть, неудобно вжавшись спиной в угол, мне кажется, что мягкие подушки придутся вам больше по вкусу.

– В-вы везете меня домой?

Разве он ей только что этого не сказал? Саймон кивнул, с трудом подавив желание повернуть дверную ручку и вытолкать ее наружу. Куда еще, по мнению этой ненормальной, он может ее отвезти? Саймон поднял руку и потрогал затылок, в котором уже начинала пульсировать боль.

– Да. Позвольте мне представиться. Саймон... Редклифф. – Лучше воспользоваться девичьей фамилией матери, а не титулом.

Титул всегда привлекал ненужное внимание. Газеты обожали печатать о нем сплетни – всегда скандальные и *иногда* правдивые. Но в основном вранье, которое они черпали из какого-то неведомого источника – возможно, получали от мачехи, все еще пытавшейся пошатнуть его положение в обществе.

Могла бы не утруждаться. Годы, когда его волновало, что о нем думает общество, давно прошли. Однако если эта женщина что-нибудь подобное читала, она, пожалуй, начнет неудержимо дрожать или вовсе выпрыгнет из едущей кареты.

– А вас зовут?.. – спросил он.

Она заломила руки, лежавшие на юбке простого синего платья.

– Эмма Траффорд.

Карета остановилась.

– А, вот мы и добрались.

«Слава богу». От такого увлекательного разговора хочется выпить.

Хиллман отворил дверцу и опустил ступеньки. Саймон вышел и протянул руку мисс Траффорд. Она с опаской вложила свои пальцы в его ладонь. Неожиданно приятное тепло просочилось сквозь ее тонкие перчатки, словно они соприкоснулись кожа к коже. Как только ее ноги коснулись мостовой, он отпустил ее руку и взял свертки, которые Хиллман уже вытащил из багажного сундука.

– Благодарю вас, мистер Редклифф. – Мисс Траффорд потянулась за свертками.

– Нет, мадам. Я занесу их к вам в дом.

– В дом? – Ее удивительные глаза широко распахнулись. – Заверяю вас, сэр, я вполне могу нести их сама. Вам ни к чему беспокоиться. – Нервные нотки в ее голосе зазвучали еще резче.

Не обращая внимания на протесты мисс Траффорд, Саймон зашагал к парадной двери. Женщина суетилась рядом с ним, как нервная гусыня. Она отперла дверь и прокралась в прихожую так бесшумно, словно боялась разбудить спящее внутри дикое животное. Затем огляделась и слегка расслабилась.

– Эм! – послышался сверху чей-то голос.

Мисс Траффорд оцепенела.

Девочка в желтом ситцевом платье и белых чулках съехала вниз по перилам спиной вперед и ударилась ягодицами о стойку перил. Она спрыгнула на пол, как акробат на ярмарке, и резко повернулась. Посмотрела на мисс Траффорд, а затем ее взгляд метнулся к Саймону.

Ребенок пронзительно завизжал, и от этого весьма неприятного звука в ушах у Саймона зазвенело.

Малышка была похожа на мисс Траффорд. Такие же огромные синие глаза, только волосы немного светлее. Сестра? Да, и похоже, эта тоже тронулась умом, как и старшая мисс Траффорд, потому что она повернулась к сестре и отчетливо одними губами произнесла слово «убийца».

«Я попал в дом к сумасшедшим».

– Вы сестра мисс Траффорд?

Девочка, стоявшая с распахнутым ртом, кивнула.

Саймон положил свертки на стоявший в прихожей столик со шербоатой мраморной столешницей.

– Ваша сестра едва не упала в обморок. Я доставил ее домой, подумав, что идти пешком ей не очень полезно. Возможно, вам следует пригласить доктора. – Стремясь как можно быстрее покинуть этот странный дом, он повернулся к старшей мисс Траффорд. – Не хотите, чтобы я послал за врачом? Я знаю доктора Тримбла с Харли-стрит и очень его рекомендую.

Она коротким нервным движением качнула головой.

– Нет, я... я уже совсем оправилась.

Хотелось бы Саймону сказать о себе то же самое. Шишка на затылке опять запульсировала, и мигрень уже подбиралась, угрожая обрушиться в полную силу.

– Что ж, доброго дня вам, мисс Траффорд.

Он повернулся к девочке, которая все еще смотрела на него так, словно он стоял перед ней нагишом. Наклонил голову, затем повернулся и вышел, надеясь, что их заболевание, чем бы оно ни было, не заразно.

Перейдя через дорогу, Саймон отпер дверь и вошел в дом, который купил несколько недель назад. Внутри стояла полная тишина. Вроде бы все на местах. Как и вчера ночью, белые пыльные чехлы укрывали мебель. Он быстро поднялся по лестнице в комнату, где обнаружил ту дьяволицу.

Разбитая ваза хрустнула у него под ногами, когда он направился к двум выходящим на улицу окнам. Саймон отворил ставни. В комнату хлынул свет, озаривший раскиданные по полу

белые и голубые осколки. Мужчина глазами искал кольцо на полу, затем нагнулся и пошарил среди осколков вазы.

Ничего. В глубине души он с самого начала знал, что кольца не найдет. Его украла та ведьма, дьявол ее заберет. Ей будет непросто продать кольцо с печаткой, на которой выгравирован герб аристократа. Скорее всего, она заложит его какому-нибудь ублюдку, который просто переплавит кольцо в золото.

«Да гори она в аду!» Это кольцо находилось в их семье пять поколений! Его носил каждый виконт Адлер. Оно было одной из тех немногих вещей, помимо титула, которых отец не сумел его лишить.

Внутренности Саймона стиснуло гневом. Он подошел к окну, ударил ладонью по раме и посмотрел на улицу. По тротуару шла какая-то парочка. Женщина крутила в руках белый зонтик. По улице, смеясь, бежали двое ребятишек, а следом за ними собака. Как невинно все они выглядели, и все-таки где-то тут, в этом уголке цивилизации, находится вор. Незваные гости точно знали, что дом стоит пустой, что Вивиан и все слуги вчера уехали.

Когда ночью он, спотыкаясь, вывалился на улицу, то не увидел ни единой живой души. Мисс Траффорд и ее сестра? Да. Возможно ли, что такая резкая реакция этой женщины на него никак не связана со шрамом? Роста в ней примерно пять футов шесть дюймов. Высокая и изящная, как та женщина, что его целовала.

Нет, вряд ли. Его таинственная незнакомка вела себя бесстрашно. Безжалостно. А мисс Траффорд – робкое создание, боящееся собственной тени. Нет, целовавшая его женщина – похотливая мегера с теплым, жадным ртом. Он посмотрел на осколки вазы. Чертова адская кошка, которую необходимо укротить.

Глава 4

– Он вернулся, – прошептала Лили, глядя вместе с сестрой в окно.
– Да, – ответила Эмма. Тревожное напряжение в груди внезапно сделалось невыносимо острым.

Сестренка притронулась к щеке.

– Видела его шрам?

– Я видела его прошлой ночью, – сказала Эмма, вспомнив, как луч лунного света на мгновение упал на лицо мистера Редклиффа.

Лили сердито сверкнула глазами.

– Ты об этом не говорила!

– Это не имеет никакого значения.

Сестренка тяжело вздохнула и уперла руки в бока.

– Если бы ты читала истории про инспектора Персиваля Уитли, то знала бы, насколько это важно. У каждого преступника имеется особая примета. Повязка на глазу. Крюк вместо руки. Деревянная нога. Кстати, в последней книге, «Инспектор Персиваль Уитли и Альый лорд», у барона-убийцы как раз и был такой шрам.

Эмма вздохнула.

– Действительно. Какие еще доказательства нам нужны? Его нужно запереть в Ньюгейте и вздернуть на виселице.

– Можешь надо мной насмеяться, если хочешь, но я-то сразу узнаю негодяя, если увижу.

Это дитя безнадежно. Наверное, мама уронила Лили на пол головой вниз, когда та была младенцем.

– Должна ли я снова напомнить тебе, что преступление совершила *ты*?

– Преступление? – фыркнула Лили. – Я веду расследование. А теперь расскажи-ка мне в точности все, что он сделал. Не скрывай ни малейших деталей.

– Ничего он не делал. Я в буквальном смысле слова наткнулась на него, когда выходила из лавки мистера Мейза. Испугалась, что он меня узнает и вызовет полицию. В груди все сжалось, в ушах зашумело, все вокруг меня закружилось, я пошатнулась. Он предложил проводить меня домой. Больше ничего.

Пожалуй, лучше не упоминать о том, что от джентльмена пахло так же соблазнительно, как прошлой ночью – какой-то экзотической азиатской пряностью.

– У тебя никогда не кружится голова. И никогда не бывает слабости.

– Да, но передо мной еще никогда не маячила *тюрма*.

– Понятно же, что он не видел твоего лица и ни за что не будет впутывать в это дело полицию. Преступники вообще так не делают.

На другой стороне улицы, в доме мистера Редклиффа, кто-то подошел к окну. Эмма вздрогнула. Он за ними наблюдает. Она ощущала это так же отчетливо, как искушающее прикосновение его языка к ее прошлой ночью. Эмма схватила сестренку за руку.

– Идем, дорогая. Отойди от окна. Лучше нам не привлекать к себе внимания. Ты должна держаться подальше от его дома. И не вздумай опять изображать из себя детектива.

Поигрывая кончиком своей длинной косы, Лили ангельски улыбнулась.

– Эм, ну разве я могу сделать что-нибудь настолько безрассудное?

– Ты уже сделала и больше не должна поступать так же глупо. И хотя ты этого не заслуживаешь, но в свертках, которые мистер Редклифф так любезно принес вместо меня, для тебя кое-что есть.

– Редклифф? Значит, вот как зовут этого негодяя. – Лили постучала пальцем по губам. – Я ожидала чего-то более зловещего, например, мистер Люцифер.

«Боже, дай мне терпения!» Эмма забрала свертки и положила их рядом с собой на выцветшую желтую софу.

Потирая руки, Лили плюхнулась рядом с ней.

– Ну, что ты купила?

Эмма отложила в сторону верхний сверток с перчатками Майкла и протянула Лили самую большую картонку.

Сестренка открыла ее и вытащила платье. Уголки губ Лили опустились.

– Тебе не нравится?

– Оно очень красивое, Эм. Спасибо. Я просто думала, что ты купила мне какие-нибудь детективные романы.

– Нет, я думаю, тебе лучше на некоторое время воздержаться от чтения таких книг.

Плечи Лили поникли. Она показала на шляпную картонку.

– Ты купила себе шляпку?

– Купила. Не смогла удержаться.

– Надень!

Не в силах сдержать улыбку, Эмма подняла крышку и водрузила на голову изящную шляпку с шелковыми розочками.

– Эм, ты красавица. Красивее принцессы Уэльской.

Щеки Эммы залил румянец. Сняв шляпку, она осторожно положила ее обратно в коробку. Не следовало ее покупать. Это сумасбродное расточительство. Интересно, шляпница согласится взять ее назад?

Сквозь окна утренней гостиной до них донесся голос миссис Флинн, разговаривающей с кем-то на улице.

Сердце Эммы пропустило удар, а затем понеслось вскачь.

– Как ты думаешь, это мистер Редклифф? – спросила Лили.

«Надеюсь, что нет». Эмма на цыпочках подошла к окошку и на дюйм раздвинула занавески. Возле дома стояла телега мистера Мейза с запряженной в нее лошадь. Сам он нес продукты вниз по ступеням, ведущим в подвал. Эмма с облегчением выдохнула.

– Это всего лишь бакалейщик, доставил мои покупки.

– Мистер Мейз? – Лили наморщила носик, словно унюхала тухлую рыбу.

– Да. Я и забыла. Он дал мне для тебя несколько лакричных леденцов. Впрочем, я за них заплатила.

Эмма вышла в прихожую, взяла с мраморного столика свой ридикюль и протянула сестренке конфету.

Лили облизнулась, затем нахмурилась.

– Ты же не собираешься за него замуж, правда?

– За кого? За мистера Мейза? Господи, нет!

– Вот и хорошо. Я иду наверх.

– Останься. Я уверена, мистер Мейз собрался нанести нам визит. – Ей совсем не хотелось развлекать его в одиночку.

– И любоваться, как он будет смотреть на тебя коровьими глазами? Нет уж, я лучше почитаю учебник географии.

«Ха! Весьма сомнительно». Скорее, Лили попытается отыскать наверху книги про инспектора Уитли. Но она их не найдет. Книжки надежно спрятаны под карнизом на чердаке.

Поднимаясь по лестнице, Лили вытащила что-то блестящее из кармашка платья.

– Что там у тебя? – спросила Эмма.

– Ничего. – Лили суетливо попыталась затолкать вещь обратно в кармашек. Блестящая металлическая штучка покатила по ступеням вниз и замерла у ног Эммы.

Эмма глянула на золотую вещицу, резко выделяющуюся на красном ковре. Ладони у нее вспотели, а желудок кувыркнулся. Она подняла кольцо с круглой печаткой, на которой был выгравирован лев и еще что-то закрученное.

– Лили, пожалуйста, скажи мне, что это принадлежало папе. Что ты нашла это в его кабинете.

– Да, там. – Лили прикусила нижнюю губу.

«Святые небеса, эта девочка лжет!» Эмма проглотила комок страха, грозивший перекрыть ей горло.

– Это кольцо мистера Редклиффа, да? Ты сняла его у него с пальца, верно?

– Я должна была. Разве ты не видишь льва? Это наверняка что-то означает.

– Да, это означает, что ты не только убийца, но еще и воровка!

В парадную дверь опять постучали молотком. Схватившись за грудь, Эмма резко повернулась на звук. Мистер Редклифф? Хочется надеяться, что нет.

– Отправляйся в свою комнату, Лили. И не выходи оттуда, пока тебе не исполнится двадцать один год.

– Могу я хотя бы забрать кольцо?

Нет, она точно ударилась в младенчестве головой.

– Нет!

Лили затопала вверх по лестнице.

Эмма сунула кольцо в боковой карман юбки и слегка приоткрыла дверь.

На верхней ступеньке лестницы стоял мистер Мейз, держа в руке красную розу. Никогда в жизни она так не радовалась, увидев этого человека.

– Привет, мистер Мейз.

Он стянул с головы шляпу и улыбнулся так широко, что Эмма испугалась, как бы он не вывихнул челюсть.

– Мисс Траффорд, вы определенно выглядите намного лучше.

– Спасибо. Хотите войти?

– Нет, я обещал маме, что вернусь быстро. Я доставил ваши покупки, но перед уходом хочу вручить вам это. – Он протянул ей розу.

– Спасибо, сэр. Как любезно с вашей стороны.

– Всегда пожалуйста. – Его щеки покраснели. – Хотелось бы узнать, не окажете ли вы мне честь погулять со мной в воскресенье?

Эмма спрятала руку за спину и скрестила пальцы. Она ненавидела врать, но...

– Боюсь, не смогу, я обещала новому клиенту нарисовать его портрет.

– Да. Да. Вполне понятно. Может быть, в другой раз.

Эмма вымученно улыбнулась и кивнула.

На другой стороне улицы мистер Редклифф вышел из своего дома. Он казался таким высоким и могущественным, но выражение лица у него было свирепым. Что-то взорвалось в животе у Эммы. Она сунула руку в карман юбки и сомкнула пальцы на тяжелом кольце.

– Что-то не так? – спросил мистер Мейз. – Вы опять очень сильно побледнели.

– Нет-нет, все в порядке.

Он кивнул.

– Что ж, доброго вам дня, мисс Траффорд.

– Доброго дня, мистер Мейз.

Мистер Редклифф остановился у обочины и начал внимательно рассматривать мостовую.

«Боже, помилосердствуй. Он ищет кольцо!»

Эмма вернулась в дом и привалилась к закрытой двери.

Получасом позже Саймон, не дожидаясь, пока кучер опустит ступеньки, выпрыгнул из кареты, остановившейся у его резиденции на Керзон-стрит. Он сжал и разжал пальцы, на которых по-прежнему не хватало кольца. Вряд ли он его найдет. От гнева мышцы на спине напряглись.

Когда он вошел в дом, к нему торопливо подскочил Харрис, чтобы забрать перекинутое через руку пальто.

Саймон жестом отослал седовласого дворецкого.

– Я иду вверх, Харрис. Сам отдам его Бейнсу.

Харрис кашлянул.

– Милорд, посыльный от братьев Бэринг³ принес сегодня утром несколько документов. Я положил их на ваш письменный стол.

«Да будь оно все проклято!» С теплой ванной придется подождать. Эта мысль еще сильнее испортила ему настроение. Он протянул пальто Харрису.

– Отдай это Бейнсу, но осторожно. Там лежат осколки разбитой вазы, завернутые в салфетку.

Кустистые брови дворецкого сошлись на переносице.

– Осколки, милорд?

– Да.

Саймон быстро зашагал по коридору, чтобы избежать града вопросов, которыми Харрис имел привычку его засыпать. Оказавшись в кабинете, сбросил пиджак, закатал рукава и опустился в кожаное кресло за письменным столом. Просматривая документы от банкира, он потирал шею. Погашение коммерческой ссуды по винокуренному заводу, который они с Уэстфилдом и Хантингтоном собирались приобрести.

Из коридора слышались шаги камердинера. Тот быстро приближался к кабинету. Саймон ущипнул себя за переносицу.

Бейнс решительно вошел в комнату, его круглое лицо пылало, а седые волосы торчали во все стороны, как будто камердинер то и дело досадливо запуская в них пальцы. Старик вытянул руку, демонстрируя пальто Саймона, болтавшееся на большом и указательном пальцах камердинера, словно от него несло конским навозом.

– Милорд, когда вы еще пешком под стол ходили, я мог терпеть ваше неуважение, но это...

– Ты что, не можешь вытряхнуть осколки?

– Да, это занятие утомительное, но меня больше заботит запах. – Камердинер слегка подтянул пальто к лицу, и его нос сразу дернулся. У старика обоняние как у собаки, он в состоянии унюхать запах через все крикетное поле.

– Какой, к черту, запах?

Слуга погрозил ему пальцем и поцокал языком.

– Еще и богохульство, сэр.

Саймон несколько раз глубоко вздохнул.

– Бейнс, сколько мне лет?

– Тридцать один.

– Но ты по-прежнему разговариваешь со мной так, словно я еще на помочах хожу.

– Правда?

– Правда.

³ Банк братьев Бэринг (1762–1995) – являлся одним из старейших банков мира до своего краха, вызванного несанкционированными действиями одного из банковских служащих в 1995 году.

– Что ж, мужчина тридцати одного года *должен* понимать, что к хорошему, сшитому на заказ предмету одежды следует относиться с благоговением... как к драгоценной возлюбленной.

– Если ты найдешь предмет одежды, который сможет ласкать мои яя...

– Милорд!

Саймон скрестил руки на груди и заставил свое лицо принять серьезное выражение. Бейнс не уйдет, пока не выскажется до конца.

– Ну, говори.

Старик преувеличенно тяжело вздохнул.

– В течение всех этих лет от меня требовалось счищать с вашей одежды вино, кровь и многочисленные неизвестные мне жидкости, но я в замешательстве – как вам удалось испачкать лацканы пальто... – Бейнс снова принялся, – скипидаром?

– Понятия не имею, о чем ты... – Он осекся, вновь вспомнив ту неизвестную совратительницу, схватившую его вчера ночью за лацканы. Да, от ее пальцев действительно пахло хвоей. Его ноздри раздулись. Как он мог забыть про запах? Хотя конечно, его же треснули по голове.

Саймон вскочил из-за стола.

– Для чего используется скипидар?

– Для чего он используется? – эхом повторил Бейнс.

– Да.

Камердинер моргнул.

– Думаю, чтобы полировать мебель.

Ладони женщины были мягкими, пальцы без мозолей. Нет, он сомневался, чтобы она занималась черной работой.

– Еще для чего?

Бейнс сжал ладонью подбородок. Его глаза вдруг оживились.

– Художники используют его, чтобы разводить краски и отмывать кисти.

Саймон щелкнул пальцами. Значит, дело в этом? Она рисует масляными красками? Он посмотрел на белую полоску кожи, оставшуюся на месте кольца. Может быть, оно не потеряно. Ей-богу, если он прав, эта зацепка дает ему капельку надежды, что он сумеет ее выследить. И вернуть свое кольцо. Саймон вышел из-за стола и сжал плечо камердинера.

– Бейнс, нудный ты старый козел, я готов расцеловать тебя!

Камердинер широко распахнул глаза и попятился.

– В этом нет никакой необходимости, милорд.

– Харрис! – позвал Саймон, возвращаясь в кресло.

Дворецкий вошел в комнату.

– Харрис, Бейнс, мы переезжаем в Блумсбери.

– В Блумсбери? – переспросил Харрис таким тоном, словно хлебнул прокисшего молока.

– В Блумсбери? – с точно таким же отвращением повторил Бейнс.

Можно подумать, оба слуги родились и выросли в Мейфэре, а не в каком-то деревенском уголке Гемпшира.

– Да. – Саймон взял лист писчей бумаги с подноса с канцелярскими принадлежностями, написал адрес недавно приобретенного в Блумсбери дома и протянул листок Харрису.

– Найми кухарку и горничную. Больше никого. Сообщи им, что они будут работать на Саймона Редклиффа. Я не желаю, чтобы кто-нибудь узнал, что я виконт Адлер. Это понятно?

Харрис взял бумагу.

– Да, милорд.

– Мы туда надолго? – плечи Бейнса поникли.

Саймон не знал. Найдет ли он свою воровку? Или эта попытка окажется тщетной?

– Почему мы должны туда перебираться? – спросил Харрис. Его морщинистое лицо приобрело какое-то дерзкое выражение.

Саймон мысленно сосчитал до пяти. Слуги большинства людей съезживаются, когда к ним обращаются их хозяева, но два старика, что стояли перед его письменным столом, служили его семье с тех пор, когда он ростом доходил им до колен. Казалось, они считают себя скорее его опекунами, чем слугами. Он предлагал им обоим уйти на пенсию с хорошим денежным содержанием, но оба старика вели себя как надоедливые мухи, не желающие улетать. А если честно, он бы сильно скучал по этим двум седым мухоморам.

– Ради всего святого, я же не приговариваю вас к виселице! Неужели обязательно нужно меня допрашивать? – Он потел напряженную шею.

Ни один из двоих не ответил.

Саймон запустил пятерню в волосы и поморщился, когда пальцы задели большое место.

– Это все.

Оба старика некоторое время молча смотрели на него, затем направились к двери, склонив друг к другу головы и переговариваясь.

– Не похоже, чтобы он был пьян, – произнес Бейнс голосом, который наверняка казался тихим человеку преклонных лет.

– Да, но он всегда хорошо переносит алкоголь, – отозвался Харрис.

Бейнс кивнул:

– Верно, так и есть.

Саймон откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, думая о губах чертовой хитрой лисицы, прижавшихся к его рту. Найдет ли он ее прежде, чем она заложит кольцо? Женщина, лицо которой он даже описать не сможет. Если найдет, получит массу удовольствия, прижав ей хвост.

Глава 5

На следующий день, едва переступив порог резиденции лорда и леди Уэстфилд, Саймон увидел, что вниз по лестнице стремительно несется Селия, девятилетняя дочь Уэстфилдов.

– Привет, кроха. – Он отдал перчатки и шляпу дворецкому.

Селия спрыгнула со ступенек прямо в его объятия.

Саймон закружил ее по холлу.

Она захихикала.

– Ты рано, дядя Саймон. Ты всегда приходишь рано.

Разве? Он поставил девочку на пол. Как это странно и немодно.

– Мама с папой одеваются к обеду. А ты можешь пойти со мной в детскую и пожелать доброй ночи Винсенту.

Детская привлекала его так же сильно, как собрание дебютанток и их властных мамаш. Но Винсент был славным малышом и его крестником. Если его не заставят держать младенца на руках, какой от этого может быть вред?

– Веди меня.

Селия схватила его за руку и потащила вверх по лестнице. На площадке третьего этажа она остановилась и зашагала по коридору.

– Винсент спит в маминой спальне, там теперь детская. Мама этой спальней все равно никогда не пользуется. Она всегда спит с папой.

Этим объясняется улыбка, не сходящая с лица Уэстфилда с тех пор, как он почти полтора года назад встретил Софию.

Они вошли в комнату со стенами, выкрашенными в синюю и кремовую полоску. В центре стояла белая железная колыбель с красивым прозрачным балдахином. В кресле спокойно сидела няня, сложив руки на коленях. Она попыталась встать, но Саймон остановил ее, подняв руку.

Селия подбежала к колыбельке и, встав на цыпочки, заглянула внутрь.

– Он еще не спит! Иди посмотри. – Девочка замахала маленькой ручкой, подзывая Саймона.

Саймон всмотрелся в Винсента, младенца с пухлыми щечками, копной черных волос и темными глазками, которые, казалось, впитывали в себя каждое движение. Младенец улыбнулся, и Саймон внезапно ощутил толчок где-то в районе сердца. Вне всякого сомнения, все еще не прошедшее несварение из-за того дьявольского зелья, которым напоил его Хантингтон.

– Вчера ему исполнилось семь месяцев, – сказала Селия. – Знаешь, он уже ползает. Заполз прямо к папе на грудь, когда они играли на ковре.

Саймон положил руку на теплую головку младенца. От него пахло... нет, Саймон не мог сказать точно чем, но очень приятно. Его вдруг охватило непреодолимое желание взять Винсента на руки и понюхать. Он отдернул руку, словно обжегся, и потрогал свой затылок. С того момента, как неизвестная сволочь разбила об его голову вазу, он чувствовал себя не в своей тарелке.

– А почему у тебя нет ребеночка, дядя Саймон?

Горло внезапно перехватило. Он откашлялся.

– Для начала лучше завести жену, дорогая.

– Ты бы мог жениться на папиной кузине Виктории. Двоюродный дедушка Рэндольф говорит, что должен найти ей мужа, пока он из-за нее не поседел.

Как раз в этот момент в соседней комнате засмеялись Уэстфилд и его жена София. Ни Селия, ни няня этому смеху не удивились. Дверь, ведущая в ту комнату, резко распахнулась, и София переступила порог. Она была привлекательной женщиной с темными волосами и

оливкового цвета кожей. Увидев Саймона, она остановилась, а затем уголки ее широкого рта поползли вверх.

– Саймон, – сказала она, протягивая к нему руки. – Как поживаете?

Одно время их отношения были довольно непростыми, но ему нравилась эта женщина, и похоже, теперь это чувство стало взаимным. Он поцеловал ее в щеку.

– Прекрасно, София, а вы?

Она открыла рот, чтобы ответить, но тут в комнату вошел Уэстфилд.

– Саймон, я не позволю тебе заигрывать с моей женой прямо у меня на глазах, старый ты... О, Селия, я тебя не заметил.

Уэстфилд подошел к колыбели и положил руку на плечо Селии, глядя на сына.

– Он славный мальчуган, Уэстфилд, – сказал Саймон.

Улыбаясь, Уэстфилд посмотрел на него.

– Папа, как ты думаешь, дядя Саймон должен попросить руки кухни Виктории, чтобы у них появился малыш?

Улыбка Уэстфилда испарилась.

Саймон поднял руки ладонями вперед.

– Это идея твоей дочери, а не моя. Девятнадцатилетние дебютантки – последнее, в чью сторону я посмотрю.

Уэстфилд наклонился над колыбелькой и поцеловал Винсента в щеку, затем взял Селию за руку и повел к двери.

– Оставь это, Селия. Со временем дядя Саймон найдет себе жену.

София взяла Саймона под руку.

– Жаль, что вы не видели свое лицо, Саймон. – Она засмеялась. – Прелестный оттенок белого.

София поднялась из-за стола сразу же, как только доела десерт.

– Прошу извинить нас с Селией, джентльмены. Я пообещала ей прочесть перед сном сказку. Мы оставим вас наедине с портвейном. – Она протянула девочке руку.

Уэстфилд встал и поцеловал жену и дочь.

Саймон тоже встал. Его другу повезло – новая жена не только по-настоящему любит его, но еще и искренне заботится о своей падчерице. Возможно, этим и объяснялось расположение Саймона к этой женщине. София была полной противоположностью его корыстной мачехе. Он верил, что, даже если Уэстфилд обнищает, София будет его любить, в отличие от многих других знакомых Саймону женщин, которых интересовали лишь титул и богатство.

– Мама будет мне читать «Алису в Зазеркалье»! – Селия соскользнула со своего стула.

– О, одна из самых моих любимых книг, – отозвался Саймон.

– Правда, дядя Саймон? – Глаза Селии широко распахнулись.

– Конечно, только мне не так везет, как тебе, я должен сам себе читать ее на ночь.

Девочка захихикала.

– Когда считаешь Селии, присоединись к нам в гостиной, София? – спросил Уэстфилд.

Между ними что-то проскользнуло, что-то невысказанное.

– Нет, если ты не против, я пожелаю вам доброй ночи. – Она повернулась к Саймону. – Простите меня, но я чувствую, как начинает болеть голова.

Он знать не знал, что София страдает от головных болей.

Похоже, тут что-то затевается. Что-то, о чем Уэстфилд хочет поговорить наедине.

– Конечно, София. Надеюсь, завтра, а может быть, даже раньше, вам станет лучше.

Селия с Софией вышли из комнаты.

– Какие-нибудь сложности с одним из наших деловых предприятий? – спросил Саймон.

– Нет.

– Уж наверное, что бы ты ни хотел мне сообщить, это не настолько ужасно, чтобы Софии требовался предлог нас покинуть.

Уэстфилд подбородком указал на дверь.

– Пойдем в мой кабинет.

Похоже, и правда ужасно, подумал Саймон, войдя в кабинет и обнаружив, что в камине горит огонь, а на столике между двумя стоящими у камина креслами стоит графин с виски и два бокала.

Усевшись, Саймон вымучил смешок, пытаясь не обращать внимания на узел, вновь сжавшийся в животе.

– Выкладывай, старина, неопределенность меня убивает.

Уэстфилд сделал большой глоток виски и опустил бокал.

– Твоя мачеха в городе.

«Джулия». Гадкое ощущение в животе усилилось. С фальшивым безразличием он поднес бокал к губам и сделал неспешный глоток. Сосредоточился на вкусе, наполнившем рот, и лишь затем позволил виски скользнуть дальше по горлу, согревая заледеневшее тело.

Старый друг поднял графин.

Саймон взглянул на свой бокал. Пустой. Вот и изображай равнодушие... Это бесполезно там, где речь идет о мачехе.

– Ты ее видел?

– Не я, моя сестра. Сегодня днем на Стрэнде. Джулия упомянула, что только что приехала и остановилась в отеле «Лангем». – Уэстфилд наполнил оба бокала.

Восхитительный обед, приготовленный французским шеф-поваром Уэстфилда, забурлил в желудке Саймона, когда в голову хлынули воспоминания о Джулии. Когда ему было шестнадцать, мачеха повела себя с ним неподобающе. Ха! «Неподобающе» – слишком мягкое слово; она трогала его и пыталась соблазнить. А когда он не поддался, эта ведьма пожаловалась отцу, что это Саймон ее щупал и пытался изнасиловать. Саймон, разумеется, рассказал правду, но без толку. Отец, ослепленный любовью, ему не поверил.

Какой доброй ему показалась Джулия, когда отец вернулся из Лондона с молодой невестой! В двенадцать лет Саймон очень тосковал по матери. Ему нужен был кто-то, кто смог бы заполнить зияющую пустоту, возникшую после ее смерти. И поначалу он решил, что Джулия, хотя ей было всего девятнадцать, заполнит эту огромную дыру в его сердце. Она вела себя с ним по-доброму. Даже защищала, когда отец начинал браниться.

Теперь, оглядываясь назад, он понимал, что материнское внимание, которое изображала Джулия, не давало его отцу поверить, что эта женщина – ядовитая змея, тщательно скрывающая свою сущность. Но теперь Саймон все про нее понимал. Изображая все эти годы преданную мачеху, она сделала невозможным, чтобы отец поверил обвинениям Саймона. По правде говоря, он сомневался, чтобы Джулия и отца-то хоть немного любила. Собственно, она фактически подтвердила это, называя его пузатым, морщинистым и старым.

Отец вышвырнул сына из дома – заплатил за его обучение, но у семейного очага Саймона больше не ждали. Друзья – Уэстфилд, Хантингтон и Карутерз – открыли перед ним двери своих домов. Но хотя они оказывали ему самый теплый прием, он все равно чувствовал себя бедным родственником. Поэтому Саймон безобразничал в школе, устраивал неприятности и нарушал правила, надеясь, что его исключат и отправят домой. Но толстый отцовский кошелек всегда успокаивал директора. Поведение Саймона только подкрепляло отвращение, которое его благочестивый отец к нему испытывал.

Саймон покрутил бокал в руке. В хрустальных гранях отражался красный свет от тлеющих в камине углей.

– Это виски из той винокурни, что мы собираемся купить с тобой и Хантингтоном?

– Да.

– Чертовски паршивый.

– Да, но крепкий.

«Недостаточно крепкий». Саймон глубоко вздохнул, пытаясь избавиться от усиливающегося давления в груди. Затем одним глотком осушил бокал.

Уэстфилд поднял свой бокал, словно изучая цвет жидкости внутри.

– Ты следишь за тем, чтобы она пореже открывала кошелек?

– Ее финансами занимается солиситор. После нашего разрыва отец сделал все, чтобы лишить меня возможности контролировать хоть что-то, имеющее отношение к Джулии. Я заставил нескольких барристеров внимательно ознакомиться с его завещанием. Слепленный любовью болван, должно быть, понимал, что я постараюсь обрушить на нее свой гнев. Завещание нерушимо.

Уэстфилд кивнул.

– Прошло семь лет со смерти твоего отца. Почему она вдруг явилась в Лондон?

Саймон покачал головой. Он уже годы назад перестал пытаться понять извращенный ум Джулии.

– Скорее всего, от скуки.

– К тебе с визитом придет?

Саймон поднялся, пытаясь укротить бушующее в нем беспокойство.

– Не знаю. Ты видел ее на похоронах отца. Она устроила целое представление. Безутешная вдова, оплакивающая смерть супруга, да еще и безупречная мачеха.

Саймон вспомнил тошноту, подкатившую к горлу, когда в той переполненной комнате Джулия взяла его за руку. Он даже не стал дожидаться, когда разойдутся все гости, а поспешно приказал отправить ее вместе с вещами во вдовый дом. Какой спектакль она устроила для всех присутствовавших, изображая обиду и душевную боль. Все старые друзья отца и подруги Джулии сочли его жестоким, бессердечным мерзавцем.

Голос Уэстфилда вырвал его из размышлений.

– Саймон, не надейся на глупостей.

«Глупостей?» Честно говоря, он не раз подумывал о том, чтобы сомкнуть пальцы на шее Джулии. Саймон прикоснулся к шраму на лице. Они с отцом не сказали друг другу ни единого слова после того, как Джулия отравила отцовское сознание и настроила его против сына. До чего ужасно настолько сильно любить женщину, чтобы верить каждому ее слову и позволять ей играть тобою! Он никогда не поставит себя в подобное положение.

– Я зол, Уэстфилд, но не безумен. И, как говорится, время лечит все. – С горьким смешком он поставил бокал. – Ты рассказывал Софии про Джулию?

Уэстфилд покачал головой и хлопнул Саймона по плечу.

– Я люблю Софию и поделился с ней всем, что происходило в моем прошлом. Но эта тайна не моя, и я не могу ею делиться. Ты рассказал мне о своей мачехе под строжайшим секретом. Я не обману твое доверие, Саймон. Я попросил Софию позволить нам побеседовать наедине, чтобы обговорить кое-что в частном порядке. Вот и все.

Иногда Саймон жалел, что рассказал Уэстфилду и Хантингтону, своим ближайшим, еще школьным друзьям, что наделала его мачеха. Но после того, как отец фактически выгнал его из дома, именно их дружба помогла ему пережить самые темные времена его жизни.

– Спасибо.

Уэстфилд кивнул.

– Ты прочитал последние кредитные соглашения, которые Нед Бэринг вчера прислал?

– Да, но я хочу просмотреть их еще разок, прежде чем подписывать. Поеду домой и сделаю это прямо сейчас. – Уже у дверей он оглянулся на Уэстфилда, который как раз затыкал графин пробкой. – Забыл тебе сказать, я несколько дней поживу в доме в Блумсбери.

Уэстфилд свел брови на переносице.

– Почему?

– Хочу найти ту женщину.

Уэстфилд покачал головой.

– Почему бы не дать полиции заняться этим?

– Потому что я намерен разобраться с этим по-своему.

– Похоже, ты нарываешься на неприятности.

Саймон распахнул дверь.

– Нет, неприятности сами меня находят... Я всего лишь хочу вернуть должок.

Боль пронзила щеку Саймона. Ударом в лицо его с силой отбросило назад. Теплая кровь заструилась по коже. Он закусил губу, чтобы не закричать от боли, и посмотрел в разгневанные глаза отца. Его кулак сжался, словно он хотел ударить снова.

Саймон перевел взгляд на Джулию, стоявшую в углу гостиной. Глаза мачехи сверкали торжеством.

Хватая ртом воздух, Саймон резко сел в кровати.

Приложил руку к лицу, ожидая ощутить кровь, текущую из щеки, рассеченной кольцом с печаткой.

Пальцы скользнули по зажившему, грубоватому шраму. Саймон окинул взглядом тускло освещенную комнату. Ему не шестнадцать лет, он находится не в Адлер-Холле в Гемпшире. Саймон вытер ладони о шелковые простыни. Он в Блумсбери – в доме, который купил для Вивиан.

Значит, это ночной кошмар.

Он откинулся на подушки. Теперь он заснет не скоро; после этого сна редко удавалось уснуть, хотя он не видел его уже семь лет. После отцовских похорон, после того, как он в последний раз виделся с Джулией, это ему больше не снилось. Саймон привычно прикоснулся к кольцу.

Его нет.

Учитывая шрам на щеке, ему бы следовало этому радоваться.

Уже в сотый раз Саймон спросил себя, почему он не уклонился или не заблокировал отцовский удар. Он мог это сделать. Возможно, считал, что получает по заслугам за то, что так слепо верил Джулии, не понимал, что за хорошеньким личиком может скрываться порочная душа. Кольцо напоминало о том, что нужно быть осторожнее с доверием – что отдать сердце женщине так, как это сделал отец, не самое умное решение.

Небольшие бронзовые часы на каминной полке пробили пять. Саймон быстрым движением скинул с обнаженного тела одеяло, и прохладный ночной воздух овеял разгоряченную кожу. Он подошел к окну. На Грейт-Джеймс-стрит царила тишина. Он собирался приехать сюда утром, но, не сумев обрести спокойствие в привычных убежищах, около полуночи поймал себя на том, что велит кучеру ехать в Блумсбери.

Почему? Надеялся, что незваная гостья вернется? Что он ее поймает?

Растирая мышцы на шее, он вернулся к кровати. Даже в приглушенном свете красные капли кларета, который пролила на постель Вивиан, были видны очень отчетливо. Саймон сдвинул тяжелое одеяло к изножью матраса и растянулся на простыне, глядя вверх, медленно и глубоко дыша, рассматривая, как пляшут на белом потолке ночные тени.

Бейнс и Харрис вместе с кухаркой и горничной должны прибыть рано утром. Саймон закрыл глаза, надеясь, что сумеет снова заснуть до того, как появятся оба слуги и начнут очередной допрос.

Ему показалось, что прошло всего несколько минут, когда в затуманенную голову проник раздражающий голос:

– Вы простудитесь, если будете спать так.

Саймон открыл глаза. Комнату заливал утренний свет. Бейнс стоял в ногах кровати, пристально глядя на него.

– Вы понимаете, что напугали новую горничную? Она пришла сюда, чтобы разжечь камин, и прибежала обратно вниз, бормоча что-то, как дурочка.

Саймон проследил за взглядом камердинера. Проклятье, на нем ни клочка одежды, а для полного счастья еще и член гордо торчит вверх от утренней эрекции.

– Это что ж, я ее шокировал? Пусть Харрис выдаст ей годовое жалованье и отправит подальше.

– Уже сделано. Вы что, плохо спали?

Саймон прикрыл глаза рукой и буркнул:

– А сколько времени, черт возьми?

– Десять. – Бейнс подкатил ближе к кровати сервировочный столик с завтраком Саймона на подносе и свежими газетами. – Прибытие ваших сундуков и слуг вызвало сегодня утром некоторое внимание двух старых склочниц, прохаживавшихся мимо дома.

– Мне нужно было встать у окна. Как ты думаешь, Бейнс, моя нагота отпугнула бы их?

– Возможно. Но в то же время могла бы привлечь к дому целую толпу – и констебля.

Несмотря на утомленность, Саймон расхохотался.

– Я знал, что есть какая-то причина, почему я до сих пор не уволил тебя, старый ты брюзга. Должно быть, это твое саркастичное чувство юмора.

– Милорд, могу ли я спросить? Женщина, что жила здесь, вернется или же вы с ней порвали?

Бейнс вел себя так, будто взорвется, если произнесет слово «любовница».

– А что?

– Отделка интерьера, сэра, хуже, чем просто ужасная. Я никогда не видел столько розового, пурпурного и малинового наряду с зеленым. Это выглядит так, словно кого-то стошнило после ночи кутежа. Единственная не богомерзкая комната – вот эта самая.

Камердинер прав. Вкус у Вивиан отвратительный. Когда он наотрез отказался от розового цвета и всякой мишуры в своей спальне, она надула губки. К сожалению, он уже успел дать ей карт-бланш на все остальные комнаты. Грандиозная ошибка.

Когда она вернется, с ней надо будет расстаться, но от одной мысли о ее театральной реакции у него запульсировало в голове. Саймон опустил ноги с кровати.

– Оставь как есть. Надеюсь, мы проживем тут недолго.

Бейнс еще какое-то время молча смотрел на него, словно ожидая объяснений, почему они вообще здесь оказались. Саймон ничего объяснить не собирался, а может быть, просто не мог. Предприятие совершенно дурацкое, вроде поиска иголки в стогу сена, однако сладострастный голос воровки, шептавший слово «покаяние» снова прозвучал у него в голове, когда он засыпал.

Бейнс продолжал на него смотреть.

– Ну, что еще?

– Ваше кольцо с печаткой, милорд. Боюсь спрашивать, что с ним случилось. Прошу вас, скажите, что вы не лишились его в каком-нибудь игорном доме.

Саймон потрогал шишку на затылке. Следовало бы оскорбиться в ответ на вопрос камердинера. Он чертовски хороший карточный игрок. Шулер, сказали бы многие, который никогда не ставит больше, чем у него есть.

После того, как отец фактически отрекся от него, Саймон воспользовался своими умениями за карточным столом, чтобы облегчать толстые кошельки тех, кто богаче, чем он. Эти выигрыши он очень толково вкладывал и сумел скопить состояние большее, чем то, которым обладал отец.

– Ты же знаешь, что я мастер карточной игры и никогда бы не проиграл кольцо. А теперь, если ты не против, я бы позавтракал без дальнейших допросов.

– Очень хорошо, милорд. – Уже у двери Бейнс резко обернулся: – Ваше имя упоминается в «Глоуб».

Саймон взял газету и просмотрел первую страницу. На прошлой неделе в палате лордов он произнес вдохновляющую речь в поддержку тюремной реформы. Саймон просмотрел страницу еще раз.

– На странице со сплетнями, милорд, – сказал Бейнс.

Скрипнув зубами, Саймон перелистнул страницы.

«Похоже, у лорда А. кровь сибиряка. Говорят, что Скандального Виконта видели, когда он греб в лодке по Темзе, одетый только в улыбку».

Что за невероятная чушь! Он действительно ездил в Путни кататься на лодке с еще тремя членами гребного клуба, но уж никак не голым. На улице чертовски холодно. В эту апрельскую погоду можно отморозить все на свете. Саймон вздохнул. Наряду с его собственными выходками, новость о том, что отец фактически от него отрекся, принесла ему известность, а газеты – дурную славу. Теперь, когда писать больше не о чем, они в попытках привлечь читателей публикуют самые неправдоподобные, шекочущие нервы истории о печально знаменитом лорде А.

В основном, во всяком случае в последнее время, он был человеком здравомыслящим... если исключить череду любовниц. В юности он вел себя довольно опрометчиво – изображал из себя конченого человека. Пил слишком много, желая разозлить своего положительного отца, ослепленного любовью настолько, чтобы не видеть того, что творилось прямо у него под носом. Но отец умер, а воспоминания... что ж, это просто воспоминания. И подобно небу, иногда они бывают ярче, чем в другие дни.

Гораздо больше ущерба, чем газетные сплетни, приносили враки, которые шепотом передавали друг другу члены светского общества. И там не раз всплывало выражение «психически больной». Он подозревал, что это злобное вранье распространила Джулия, желая его опорочить, чтобы, если он когда-нибудь захочет рассказать правду о том, почему произошел разрыв с отцом, ему никто не поверил.

Матери, по-настоящему любившие своих дочерей, держали их от него подальше, так что рядом оставались лишь те, кого интересовали исключительно его титул и богатство. Саймон с досадой выдохнул. Какая разница? Он не собирается жениться.

– Надо было велеть вашему портному сшить вам длинные шерстяные панталоны, – произнес Бейнс, выдернув Саймона из размышлений. На лице слуги застыло выражение неодобрения.

– Они мне не нужны. Это неправда.

– Разумеется, милорд. – Голос камердинера сочился недоверием.

Саймон прищурился и указал Бейнсу на дверь:

– Вон!

Спустя два часа Саймон вышел из дверей дома в Блумсбери. Нога его едва успела прикоснуться к тротуару, как дверь дома рядом распахнулась. Две толстые седые женщины, обе одетые в платья цвета темной лаванды, торопливо бросились к нему, отстукивая каблуками быстрое стаккато.

– Привееееет! – протянула первая матрона, с энтузиазмом размахивая белым носовым платком.

«Да чтоб вас черти взяли!» Он мог угадать сплетниц за милю, особенно если они держались парами. Избежать общения никак не удастся.

– Я миссис Дженкинс. – Женщина ткнула пухлым пальцем в сторону дома, из которого они выплыли. – Мы с вами соседи. – Она преподнесла это так, словно соседство равнялось кровному родству. – А это миссис Вейл. – Миссис Дженкинс показала на дом рядом со своим. – Она тоже ваша соседка.

Саймон вымученно улыбнулся.

– Знай я, каких красавиц можно увидеть в Блумсбери, переехал бы сюда гораздо раньше.

Обе женщины захихикали, а миссис Дженкинс игриво хлопнула его по руке с такой силой, что человек менее крепкий рухнул бы на колени.

– Боюсь, вы льстец, мистер?..

– Редклифф.

– Редклифф. – Миссис Дженкинс повторила его имя так, словно он предложил ей лакомый кусочек. – Будем ли мы иметь удовольствие вскоре познакомиться с миссис Редклифф?

– Нет, мадам, я не женат.

Очевидно, обе они ложатся спать рано, раз его ночные визиты к Вивиан остались незамеченными.

– А та женщина, что жила здесь, ваша родственница? Мы не видели ее уже пару дней.

– Знакомая. Она уехала отдыхать, а я на это время перебрался в ее дом.

Он вытащил часы и щелчком открыл крышку. Его добрая приятельница Маргарет, вдовствующая леди Гриффин, услышав об отъезде Вивиан, пригласила его сегодня на ленч – поиграть в теннис и вообще немного развлечься.

Обе женщины, заулыбавшись, покивали.

– Было приятно познакомиться, дамы, но прошу меня извинить, мне необходимо... совершить моцион.

– О да, разумеется, – ответила миссис Дженкинс, похлопав ресницами. – Это пойдет вам на пользу.

– Вы так любезны, мадам. – Он приподнял шляпу. – Желаю вам доброго дня.

Саймон уже решил, что вырвался из их когтей, как вдруг миссис Вейл тихим голосом произнесла:

– Мистер Редклифф, я... я хочу пригласить вас на небольшой прием, который устраиваю сегодня вечером.

«Черта с два».

– Нет, я...

– Ничего особенного, – добавила миссис Дженкинс. – Просто несколько соседей.

– Приношу свои извинения, но я вынужден отклонить ваше любезное приглашение. – Он снова приподнял шляпу, сделал два шага и остановился. Эти две сплетницы наверняка держат руку на пульсе, а то и на шейной артерии каждого жителя этой улицы, а может быть, и всего Блумсбери.

Саймон снова повернулся к ним. Они смотрели на него с удрученными лицами.

– Возможно, вы, прелестные дамы, смогли бы мне помочь.

Их лица просветлели.

– Мне нужно купить несколько картин для моего нового дома. Не знаете ли вы кого-нибудь из местных художников, пишущих ландшафты?

– Например, мистер Дюбуа, – тут же ответила миссис Вейл.

Миссис Дженкинс сморщила нос.

– Но он француз, а вы знаете, насколько эти французы темпераментны, особенно художники. Моя племянница рисует очаровательные акварели.

– Меня больше интересует масло.

– В таком случае мисс Мадлен Смит, – сказала миссис Вейл. – Она пишет ландшафты. Преимущественно английские сельские пейзажи.

Миссис Дженкинс нахмурилась, глядя на миссис Вейл.

– Но акварели моей племянницы гораздо более утонченные.

Он одарил миссис Вейл своей самой сияющей улыбкой.

– Мисс Смит? Она живет на этой же улице?

– Верно, она проживает со своим отцом в доме номер три.

Дверь дома напротив отворилась, и на улицу вышла держащая в руках обруч девочка, с которой он познакомился вчера, младшая сестра мисс Траффорд. Она некоторое время в упор смотрела на него, а затем покатила обруч по мостовой.

Миссис Дженкинс, прищурившись, смотрела вслед девочке.

– Берегите ноги, мистер Редклифф. Эти обручи – скверные игрушки, и властям следовало бы их запретить. Только на прошлой неделе я слышала, что один из них едва не искалечил лошадь. Почему мисс Траффорд позволяет своей сестре такие развлечения, для меня непостижимо.

У Саймона никогда не было обруча. Его отец, как и миссис Дженкинс, считал их легкомысленными.

– Непременно, миссис Дженкинс. Вы сказали, сестра позволяет... значит ли это, что они сироты?

– Да, их мать умерла довольно давно, а отец – три года назад. Мисс Траффорд делает все, что в ее силах, чтобы обуздать девочку, но Лили в некотором роде сорвиголоу.

Он взглянул на девочку. Она снова смотрела на него в упор. До чего странный ребенок! Саймон перевел взгляд на миссис Дженкинс.

– И что же, мисс Смит будет присутствовать у вас сегодня вечером?

– Да! – воскликнула миссис Дженкинс.

– Возможно, я сумею изменить свои планы и посетить ваш прием.

Круглое лицо миссис Вейл порозовело.

– О, как чудесно!

Миссис Дженкинс прижала руку к весьма пышной груди и повернулась к миссис Вейл.

– В девять вечера, верно, Би?

Миссис Вейл с энтузиазмом закивала, и из ее прически выбился седой завиток.

– Да, в девять часов.

– С нетерпением жду вечера, дамы, – отозвался Саймон, страстно желающий познакомиться с мисс Смит.

Глава 6

«Черт побери, я попал в засаду!» Саймон, вошедший в гостиную миссис Вейл, с трудом подавил ругательство. Не видно ни одного мужчины, и все взгляды устремлены на него. Он почувствовал себя мышью перед стаей кошек.

Похоже, шрам на щеке не вызывает у мамаш потенциальных невест Блумсбери такой же неистовой реакции, как у Эммы Траффорд. Или, скорее, его красивый экипаж и мысль о том, что он человек со средствами, перевешивают их привередливость и разборчивость.

Миссис Вейл легко пробилась сквозь толпу. Розовый аромат ее духов повис в воздухе, и так густом от разнообразия цветочных ароматов.

– Мистер Редклифф, я так рада, что вы смогли присоединиться к нашему небольшому приему.

«Небольшому?» Да они толкуются тут локоть к локтю! Это выглядело так, словно все до единой тетки, мамы и годные в невесты девицы отсюда и до самого Сассекса набились в эту небольшую комнату.

– Всем не терпится познакомиться с вами. Разве это не чудесно? – Уголки ее губ приподнялись кверху, натянув похожую на пергамент кожу.

Он вымученно улыбнулся, гадая, где может находиться мисс Мадлен Смит и сколько времени потребуется, чтобы его представили художнице.

– Могу я предложить вам чашечку чая, мистер Редклифф, или стакан лимонада? – спросила миссис Вейл.

«Чай? Лимонад?» Не иначе Господь решил наказать его за многочисленные грехи.

– Ничего не надо, мадам, хотя звучит это весьма... освежающе.

– Мистер Редклифф! – Миссис Дженкинс уже спешила к нему, размахивая своим носовым платком. – Я хочу вас кое-кому представить. – Она схватила Саймона за локоть и потащила через переполненную людьми комнату, словно он был строптивым ребенком. Остановились они перед невысокой хрупкой барышней, одетой в розовое. – Пруденс, могу я представить тебе мистера Редклиффа? Мистер Редклифф, это моя племянница, мисс Пруденс Лэнгли.

Барышня хихикнула и робко посмотрела на него сквозь ресницы, такие светлые, что они были практически невидимыми.

– Рада познакомиться, мистер Редклифф.

– Мисс Лэнгли. – Он наклонил голову.

Покраснев, барышня поводила пальцем по платью.

Внимание Саймона привлекло какое-то движение. Молодая женщина с распущенными каштановыми волосами решительно направлялась к нему, как амазонка, расталкивая всех на своем пути, а затем безжалостно оттолкнула в сторону Пруденс.

Потеряв равновесие, застенчивая барышня отшатнулась назад и чуть не упала.

Миссис Дженкинс ахнула, но тут же улыбнулась, словно ничего не случилось.

– Мистер Редклифф, это другая моя племянница, мисс Честити⁴ Лэнгли. Честити как раз та, о ком я говорила... та, что рисует акварели.

Честити была полной противоположностью своей сестре – с более темными волосами, дерзкая и чувственная. Судя по тому, как она на него смотрела, родители не очень удачно подобрали ей имя.

– Очарована, – промурлыкала она, выпячивая грудь и проводя языком по пухлой нижней губе.

«Осторожнее, старина. Не вздумай ее поощрять». Саймон стоял с невозмутимым видом.

⁴ Chastity (англ.) – целомудрие, невинность, скромность.

– Мисс Лэнгли.

Он кинул взгляд вверх ее плеча и мысленно охнул. Кажется, Честити Лэнгли была меньшей из всех его проблем. Целый рой нетерпеливых мамаш и их дочерей выстраивались в очередь, чтобы поздороваться с ним.

Час спустя он познакомился практически с каждой женщиной в комнате, но только не с той, ради которой сюда пришел. Саймон повернулся к миссис Вейл.

– А художница, мисс Смит, здесь?

– Да, я видела ее чуть раньше. – Миссис Вейл приподнялась на цыпочки и окинула комнату взглядом. – Да, вон она.

Старуха вытянула пухлый палец и указала на изящную женщину, бывшую на добрых три дюйма ниже, чем *его* воровка.

«Проклятье». Явно не та женщина, которую он ищет.

– Я представлю вас, сэр.

Саймон мысленно вздохнул. Похоже, придется купить картину или хотя бы сделать вид, что он заинтересован в ее работах.

– Мисс Смит, – сказала миссис Вейл. – Позвольте представить вам мистера Редклиффа, нашего нового соседа.

У женщины было лицо сердечком, каштановые волосы и кристально-ясные голубые глаза. Она застенчиво улыбнулась и протянула ему для пожатия руку.

– Рада с вами познакомиться, мистер Редклифф.

– Взаимно, мисс Смит. – Саймон пожал обтянутые перчаткой пальцы.

– Мистер Редклифф хотел купить несколько пейзажей, – пояснила миссис Вейл. – Сэр, я упоминала, что картины мисс Смит так же прелестны, как и те, что выставляются в Королевской академии художеств?

Улыбка мисс Смит сделалась шире.

– Вы слишком добры, миссис Вейл. Если захотите видеть мои работы, добро пожаловать в наш с отцом дом. Номер три по этой же улице.

Художница понравилась Саймону. Она не была ни взбалмошной, ни бесцеремонной и вроде бы не искала себе мужа.

– Благодарю, мисс Смит.

Он окинул комнату взглядом в надежде увидеть женщину такую же высокую, как и его воровка. Несколько показались ему такого же роста. Если бы еще услышать их голоса...

– Прошу прощения, дамы, но мне кажется, я увидел кое-кого знакомого. – Вранье, но довольно правдоподобное.

Саймон бродил по комнате, прислушиваясь к разговорам. Остановился около высокой молодой женщины, слушавшей матрону, которая рассказывала о злобном гусе, гнавшемся за ней добрых четверть мили, когда она в прошлом месяце навещала своего брата в Кенте.

– В жизни туда не вернусь! – воскликнула пожилая дама высоким пронзительным голосом, напоминая крик раненой птицы.

Саймон поежился. Судя по ее скрипучему голосу, брат, скорее всего, выдрессировал гуся, надеясь именно на такой результат.

– Гуси вообще очень гадкие создания, – отозвалась высокая женщина с сильным шотландским акцентом.

Определенно не его дьяволица. Он пошел дальше и остановился в паре ярдов от того места, где стояла миссис Дженкинс. Старуха шепталась о чем-то с двумя матронами.

Все три хихикали, как школьницы.

– Виконт Адлер? Ну расскажи же, какую выходку устроил его милость на этот раз? – спросила одна из троих, возбужденно обмахиваясь веером.

Саймон наострил уши.

– Да, рассказывай, – широко раскрыв глаза, поддакнула третья.

Миссис Дженкинс помолчала, словно желая подогреть интерес. Затем, как будто собиравшись выдать государственную тайну, обвела комнату взглядом.

Саймон вытянул шею.

– Вы читали в газете ту сплетню о лорде А., как он греб в лодке по Темзе практически без одежды?

Обе ее собеседницы закивали.

– Я видела этого шельмеца! Это *был* лорд Адлер, – заявила миссис Дженкинс.

«Лживая старая карга!»

Одна из женщин ахнула:

– Видела?

Миссис Дженкинс кивнула:

– Ну да. Газета упустила кое-какие детали.

– Ну? – хором подтолкнули ее тетки.

Миссис Дженкинс улыбнулась, как кошка, слопавшая птичку.

– На нем были только цилиндр и штаны, и он махал британским флагом тем, кто смотрел на него с берега.

«Какая чушь».

– Как возмутительно, – сказала третья тетка. Выглядела она совсем не возмущенной, скорее зачарованной. – А где? – Она облизнула губы. – Как вы думаете, он сделает это снова?

Взгляды собеседниц метнулись к ней.

Она покраснела.

– Ну, я его никогда не видела, но слышала, что он в отличной форме, хотя, говорят, на лице у него шрамы. Вы были достаточно близко, чтобы все разглядеть, миссис Дженкинс?

– Да! Шрам тянется со лба и до самого подбородка!

«Опять вранье». Саймон возвел глаза к потолку.

– А вы заметили шрам у нашего нового соседа? – спросила вторая, явно не замечая, что он стоит рядом. – Видок у него самый пиратский. Все, что еще нужно мистеру Редклиффу, это повязка на глаз и сабля.

Миссис Дженкинс заметила Саймона и ткнула локтем под ребра своей приятельнице.

– Ой! Боже, миссис Дженкинс, что вы делаете? У меня будет синяк!

Сплетница мотнула головой в сторону Саймона и выгнула седую бровь.

Тетка обернулась. С ее щек сошла краска.

– Мадам, – произнес Саймон.

– М-мистер Редклифф... я... надеюсь, вам тут нравится... – Голос ее задрожал.

– Конечно, – соврал он.

Господи, есть ли на свете что-нибудь хуже теток-сплетниц? Да. К нему направлялась миссис Нейплз со своим страдающим коликami псом. Саймон огляделся в поисках выхода. Недалеко от того места, где он стоял, в дверном проеме висела зеленая бархатная штора. Если повезет, по ту ее сторону отыщется способ покинуть это занудное сборище, ну или хотя бы короткая передышка.

Саймон наклонил голову.

– Прошу прощения, дамы.

Миссис Дженкинс открыла было рот, но он отвернулся прежде, чем она успела его остановить.

Идя к шторе, Саймон замечал устремленные на него взгляды – и откровенные, и скрытые. Он уже почти добрался до шторы, но тут гул голосов усилился. Он оглянулся и увидел молодого человека, шагнувшего в комнату из прихожей.

Затрепетали веера, слышались шепотки – женщины заметили новопришедшего. Некоторые устремились к нему, как стервятники, увидевшие дохлятину. Присмотревшись внимательнее, Саймон понял, что несчастный юноша не старше двадцати одного года. Истинное дитя в лапах этих хищниц. Бедный, ничего не подозревающий парнишка.

Саймон воспользовался представившейся возможностью нырнуть за штору. От нее начался узкий коридор, в конце которого виднелась дверь. Спасение – она вела наружу, где он сможет наконец-то закурить сигарету.

Он прошел по коридору и вышел на заднюю террасу. Большинство плиток потрескались и лежали неровно, они заросли мхом, так что ходить по ним было довольно опасно. Если сад когда-то и был роскошным, те дни давно прошли. Казалось сомнительным, что хоть одна из дам рискнет сюда выйти. Он глубоко вдохнул прохладный воздух, напоенный земными весенними ароматами.

На террасе было темно, свет падал лишь из французских окон в дальнем конце гостиной. Одно из них вдруг распахнулось, и наружу высунулась голова Честити. Саймон поспешно отступил в тень, падающую от двух печных труб.

– Мистер Редклифф, вы здесь? – прошептала молодая женщина. – Мистер Редклифф? – Она подождала, но, не получив ответа, пробормотала какое-то богохульство и вернулась в гостиную.

Саймон прислонился к стене дома, сунул руку во внутренний карман пиджака и вытащил портсигар. Завтра же нужно возвращаться в Мейфэр. Это нелепо. Он даже не знает, как его воровка выглядит.

Двери снова открылись, и по неровным плиткам осторожно зашагали две изящные женщины, склонив друг к другу головы и негромко беседуя.

«Да дьявол вас заберит!» Саймон сунул портсигар обратно в карман и скрестил на груди руки.

Та, что пониже, повернулась к своей собеседнице. На ее лицо упал свет из французского окна, и он узнал мисс Мадлен Смит.

– Хотела бы я знать, почему ты вдруг передумала и пришла. Я же знаю, что ты не любишь эти сборища соседей у миссис Вейл и миссис Дженкинс.

Более высокая определенно обладала здравым складом ума.

– Мадди, ты же знаешь, я бы ни за что сюда не явилась, если бы не надеялась найти новых клиентов.

– Миссис Нейплз возносит тебе хвалы. Она просто в восторге от твоей работы и рассказала об этом всем и каждому.

Саймон едва не расхохотался вслух. Миссис Нейплз считает, что ее пес – это ее покойный супруг. Не самый надежный рекомендатель, если ты не медиум.

– Я думаю, это твоя лучшая работа, – сказала мисс Смит. – Не сомневаюсь, когда этот портрет увидят остальные, у тебя будет клиентов больше, чем тебе бы хотелось.

Саймон выпрямился. Портрет? Эта женщина – художница? Ростом она походит на незваную гостью. Он прищурился, пытаясь разглядеть ее лицо.

– Молюсь, чтобы ты была права, Мадди.

Мисс Смит слегка сдвинулась с места, и свет, лившийся из дверей, упал на лицо говорившей. Боже праведный, так это же мисс Трафффорд! Но он уже отбросил ее как подозреваемую. Эта квёлая женщина никак не может быть кошкой, которую он ищет.

– Эмма, – сказала мисс Смит, – может быть, наш новый, очень мужественный сосед пожелает заказать свой портрет.

Даже на расстоянии он заметил, как оцепенела мисс Трафффорд.

– Мистер Редклифф? Надеюсь, что нет.

– Да, от него исходит ощущение опасности. Не знаю точно, как миссис Вейл удалось уговорить его прийти сюда, но это подвиг.

– Прийти сюда? Он здесь? – Голос мисс Траффорд внезапно зазвучал высоко и пронзительно, как в прошлый раз.

– Да, а ты не видела его, когда пришла?

– Нет.

– Но ты с ним уже знакома?

Мисс Траффорд прижала пальцы к вискам.

– Да, и я повела себя как полная дура.

Саймон согласно кивнул.

Мисс Смит подошла к французскому окну и заглянула внутрь.

– Я его не вижу. Возможно, он уже ушел. – Она снова повернулась к собеседнице. – Расскажи о вашем неудачном знакомстве.

– Слишком ужасно, чтобы вспоминать.

– Правда?

– Если бы ты только знала! – ответила мисс Траффорд.

Засмеявшись, мисс Смит поплотнее закуталась в шаль.

– Ну что, возвращаемся? Для меня тут слишком холодно.

Мисс Траффорд покачала головой.

– Иди сама. Я приду попозже.

– Не задерживайся тут, Эмма, если хочешь привлечь новых клиентов.

Мисс Смит отворила дверь. Какофония голосов мгновенно выплеснулась из комнаты на террасу, но дверь тут же закрылась, снова приглушив шум.

Как только мисс Смит ушла, мисс Траффорд начала расхаживать по неровным плитам. В темноте ее резкие движения казались знакомыми – очень похожими на воровкины. Саймон потряс головой. Быть не может, чтобы эта робкая мышка оказалась той, кого он ищет.

Она сунула руку в карман, вытащила небольшую жестянку и положила что-то в рот. Она что, принимает опиум? Это бы многое объяснило. Мисс Траффорд резко повернулась и пошла прямо на него. Он как можно сильнее вжался спиной в стену. Не дойдя до него нескольких футов, она зацепилась за плитку и начала падать лицом вниз.

«Проклятье!» Саймон выскочил из тени, чтобы подхватить ее.

Глава 7

«Если мистер Редклифф тут, я не вернусь в гостиную», – вот что подумала Эмма как раз перед тем, как носок ее туфли зацепился за выступающую плитку.

Она полетела вперед и ударилась о чью-то твердую грудь. Сильные руки схватили ее за талию, не давая упасть. Вцепившись пальцами в лацканы пиджака мужчины, она подняла взгляд и уперлась им в темные глаза.

– Мисс Траффорд, – произнес вкрадчивый мужской голос.

По спине побежали мурашки. Даже если бы он не заговорил, Эмма сразу узнала бы пряный аромат, исходящий от Саймона Редклиффа, и его впечатляющую фигуру, не говоря уже о блеске безупречных белых зубов.

– Мистер Редклифф, – прошептала она. Говорить было трудно, потому что в ушах зашумело.

Улыбка с его лица исчезла, глаза прищурились, словно он пытался поймать какое-то забытое воспоминание. Руки, державшие ее за талию, сжались с такой силой, что ей стало больно.

Неужели он узнал в ней ту злоумышленницу? Сердце, и так бившееся быстро, понеслось вскачь. Она проглотила мятное драже, таявшее во рту. Оно легкой тяжестью скользнуло вниз по горлу.

– Сэр?

– Да. – В его низком голосе послышалась резкость.

– Вы держите меня слишком крепко.

– В самом деле? Простите.

Хватка ослабла, но теплые руки остались у нее на талии. Немигающие глаза уставились в ее, затем взгляд медленно спустился к губам.

Непрошенный жар охватил ее тело, воздух между ними загустел, Эмма с трудом дышала.

Французское окно, ведущее из гостиной на террасу, широко распахнулось. Мистер Редклифф отступил назад, поставив Эмму на ноги.

В проеме стояла Честити Лэнгли. Если, как показалось Эмме, во взгляде мистера Редклиффа ощущалась надвигающаяся опасность, то взгляд Честити был беспощадным. Собственным. Она быстро зашагала к ним, глядя на Эмму прищуренными глазами.

– Мистер Редклифф, а я вас ищу, – сказала Честити и взяла его под руку.

Годы рисования лиц научили Эмму узнавать искреннее выражение удовольствия. Улыбке, которой он одарил Честити, не хватало искренности. Он напоминал дикое животное, которому помешали охотиться. Пугающая мысль, поскольку Эмма опасалась, что добычей была именно она.

– Вы не собираетесь вернуться в гостиную, сэр? – Честити похлопала ресницами.

– Да. – Он повернулся к Эмме.

– Мисс Траффорд, вы портретист?

Она не могла солгать, поскольку Честити смотрела на нее в упор.

– Да.

– Могу я нанести вам визит, чтобы поговорить о заказе?

Комок в желудке дважды повернулся. Она хотела сказать «нет», но под каким предлогом?

– Конечно, сэр.

– В таком случае увидимся завтра. В три часа вас устроит?

Голос оставался ровным, но ей казалось, что за вежливостью скрывается предупреждение.

– Да, – сказала Эмма, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Она направилась к французскому окну, заставляя себя шагать неторопливо, а не кинуться прочь, как испуганное дитя. Оказавшись в доме, искала миссис Вейл и Мадди. Она хотела попрощаться и помчаться домой так быстро, как только понесут ее ноги.

Эмма нашла обеих женщин, они разговаривали с миссис Нейплз. Мадди морщила нос, глядя на пса женщины. Выражение отвращения на лице подруги могло бы показаться комичным, если бы Эмма была в состоянии выдавить из себя смешок или хотя бы улыбку. Но она не могла избавиться от страха, поселившегося в груди при мысли, что мистер Редклифф каким-то образом узнал в ней ту злоумышленницу – женщину, целовавшую его в темной комнате. Она нервно оглянулась.

Мистер Редклифф и Честити стояли у французского окна. Его взгляд следовал за Эммой, как лиса за кроликом. У нее в висках застучало.

«Он знает». Ничто больше не могло объяснить напряженность в его взгляде или то, как крепко он держал ее за талию. Так крепко, что ей подумалось – эти большие руки жаждут разломить ее пополам. Она подошла к Мадди и вымученно улыбнулась хозяйке дома.

– Спасибо, миссис Вейл, за такой прелестный прием.

Миссис Вейл моргнула.

– Вы уже уходите? Вы же только что пришли.

– Мне нездоровится. – Эмма прикоснулась к виску, затем к животу, сжавшемуся от страха.

Мадди взглянула на нее озабоченно.

– Ох, милая, надеюсь, ты не подхватила расстройство желудка. Папа болел довольно долго.

– Нет, это просто мигрень. Я уверена, что она быстро пройдет.

И вернется завтра, когда мистер Редклифф придет с визитом. Может, сказать ему, что она подхватила какую-нибудь ужасную болезнь? Но тогда она не сможет брать новых клиентов, ведь он живет напротив и все увидит. Нет, ничего не получится. Она не сумеет увильнуть от рисования его портрета, если он захочет его получить.

– Я провожу тебя до дверей. – Мадди взяла Эмму под руку. – Не то чтобы я радовалась твоему плохому самочувствию, но ты меня спасла. Я там просто умирала. Этот запах! Не знаю, чем миссис Нейплз кормит своего пса, но это нужно запретить законом. Скажи мне, как тебе удалось нарисовать Альфреда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.